Во мрак

Автор:
Андрей Дьяков

Во мрак

Андрей Геннадьевич Дьяков

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Встречайте продолжение лучшей книги «Вселенной Метро 2033» 2010 года! В романе «Во мрак» Андрея Дьякова читателей ждет новая встреча с миром постъядерного Питера и его обитателями: легендарным сталкером Тараном, его приемным сыном Глебом и зеленокожим мутантом Дымом. А еще – веганы и огрызки, «безбожники» и гнильщики, зловещий Черный Санитар, «Вавилон» и «Эдем». Долить темной балтийской воды, крови и жидкого огня, смешать, но не взбалтывать – взрывоопасно!

Андрей Дьяков

Во мрак

Трамплин в мечту

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

14 мая этого года в Главном конференц-зале Российской государственной библиотеки (той самой знаменитой Ленинки, Великой Библиотеки, ставшей местом действия одной из главных сцен моего романа) прошла церемония вручения премии «Лучшая книга Вселенной 2010».

В течение нескольких месяцев десятки тысяч читателей выбирали свою самую любимую книгу из серии «Вселенная Метро 2033». С большим отрывом обойдя всех соперников, победил роман Андрея Дьякова «К свету». Написанный новичком, который раньше не только не печатался, но и не писал, дьяковский роман «сделал» книги матерых фантастов, писавших в нашу серию.

Победа была совершенно заслуженная: «К свету» оказался книгой пронзительной, настоящей, искренней. С очень живыми героями, с увлекательным детективным сюжетом, с великолепной атмосферой.

За тот год, который прошел с издания «К свету», книга уже успела обрести статус культовой. Вручение премии «Лучшая книга Вселенной» только закрепила очевидное. И конечно, десятки тысяч читателей ждали от Андрея Дьякова продолжения. Ожидания были высокими – возможно, завышенными.

Перед вами – это самое продолжение. Роман более зрелый, более искусно написанный, серьезный и во всех отношениях настоящий. Если в шлифовке первой части Дьякову помогали редакторы, то со второй он полностью справился сам. Андрей очень быстро учится, и уже сейчас запросто может тягаться с любым современным российским фантастом. «К свету» и «Во мрак» задуманы как первые две части будущей трилогии. Я лично, проглотив за два дня эту книгу, уже жду не дождусь, когда же Дьяков напишет третью часть. А потом хотел бы прочесть его книги, написанные по его собственным мирам.

Вообще получается так, что участие в серии «Вселенная Метро 2033» становится-таки трамплином для многих авторов. Сергей Кузнецов, написав для серии «Мраморный рай», привлек внимание издателей к своей чудесной книге «Затворник» и вот сейчас наконец издает ее. Сурен Цормудян, написав для

«Вселенной» «Странника», сразу нашел издателя для своей первой книги «Второго шанса не будет». Хочется верить, что и Андрей Гребенщиков, и Анна Калинкина, которые напечатали свои первые книги во «Вселенной Метро», продолжат писать.

Это было бы по-настоящему здорово. Здорово, потому что «Вселенная» стала бы – да она и становится – не просто «проектом», как написано на обложках всех ее книг. А стала бы трамплином в мечту для тех, кто хочет стать писателем. Именно поэтому нам так нравится публиковать новичков: профессионалы и без нас не пропадут.

Таким трамплином в свое время стала для меня моя собственная книга «Метро 2033». «Вселенная Метро» остается верной этому принципу.

Мечтайте с нами!

Дмитрий Глуховский

Это роман мистический и приключенческий, любовный и героический. История постъядерной Самары, тайны сталинских бункеров и законсервированных советских секретных объектов, отчаянная романтика беспризорников и страсть, за которые платят жизнью – в «Безымянке» Сергея Палия все сплелось, все смешалось. Хорошо и умело написанная, с душой придуманная… нет, прожитая, – эта книга читается на одном дыхании.

В Новосибирске 2033 года каждый шаг за кордоны родной станции метро может обернуться рискованным приключением и даже смертью. Любой его житель вынужден превратиться в героя, чтобы сражаться или умереть. Именно такой выбор стоит перед юным Сергеем Касариным, когда ужасный призрак прошлого вырывается на свободу, грозя уничтожить не только привычный ему мир, но и все живое на планете. Кажется, что враг неуязвим и надежды нет. И все же у

человечества остался один-единственный шанс еще раз увидеть солнце…

На сей раз карта «Вселенной Метро 2033» открывается в сердце Урала: местом действия романа «Ниже ада» становится постъядерный Екатеринбург. Андрей Гребенщиков, коренной свердловчанин, показывает нам один из самых загадочных и зловещих городов выжженной планеты. Вместе с мальчишками, которым судьба приказала стать героями, вы пройдете не только через туннели тамошнего метро, но и отправитесь в таинственную глубь уральских гор, будете сражаться с невиданными чудовищами и делать удивительные открытия…

Встречайте: первая книга «Вселенной Метро 2033», написанная женщиной о женщине!

Вместе с юной героиней Анны Калинкиной, Нютой, читатель вновь возвращается в московский метрополитен, открывая новые, еще неизведанные уголки. «Станция-призрак» – одновременно романтичная и страшная история о предательстве, борьбе, поисках себя и конечно же любви.

Часть 1

На пороге войны

Глава 1

Еще одна катастрофа

Издали странное животное более всего походило на дрейфующую подводную лодку. Эдакая огромная неповоротливая рыбина, дальним родственником которой, по всей видимости, приходился кит. Однако всякое сходство с последним терялось, стоило посмотреть на уродливый нарост-плавник на горбатой спине гиганта – точь-в-точь рубка всплывшей для разведки субмарины.

До недавних пор левиафан чувствовал себя вольготно на просторах Балтийского моря. На многие мили вокруг не нашлось бы твари, способной противостоять его мощи и хватке всесокрушающих челюстей. Мутант хлестко ударил по воде могучим хвостом и издал протяжный басовитый рык. Боевой клич разнесся далеко окрест, завязнув в белесой дымке, где-то на границе видимости.

Хотя одна угроза все-таки существовала… Собравшись было повторно заявить на всю округу о своем появлении, морской хищник вздрогнул, когда с севера, словно в ответ, донесся резкий вибрирующий звук. Обитатель глубин застыл на мгновение, словно прислушиваясь, и, когда звук повторился, в негодовании задергался всей своей массивной тушей, взмахнул на прощание хвостом и устремился на глубину.

Несмотря на ничтожные размеры мозга, левиафану хватило предыдущей встречи с обладателем странного зова, чтобы накрепко запомнить одну простую истину – этого соперника лучше обходить стороной. Не менее внушительных размеров чудо-зверь плавал исключительно на поверхности, обладал воистину непробиваемой кожей и вдобавок плевался колючими раскаленными иглами, приносящими неимоверную боль. Лишившись тогда немалого количества зубов и прочувствовав на собственной шкуре огненное дыхание невиданного доселе хищника, левиафан впервые ощутил страх и теперь, подчинившись заложенным природой рефлексам, быстро уплывал прочь, подыскивать себе новые, свободные угодья.

Водная гладь на месте бегства мутанта только-только успокоилась, когда бронированные борта исполинской железной конструкции взрезали ее, распахали, подобно гигантскому плугу, оставляя по бокам ровные валы пенящейся, бушующей воды. Отрывистый гудок сирены возвестил начало дневной смены. Зашелестели такелажные снасти, с многочисленных палуб железного титана донеслась бодрая ругань матросов.

В нагромождении многочисленных надстроек, клетей и канатов едва угадывались очертания плавучей буровой платформы. Со временем древний

механизм оброс дощатыми лачугами, причальными пандусами, флотилией утлых лодчонок и теперь вполне мог сойти за рыбацкую деревушку на высоком скалистом берегу.

«Вавилон» на всех парах шел на юг. Где-то позади, на горизонте, остался остров Мощный – клочок земли, ставший новым домом для тех, кому посчастливилось пережить Судный день и найти в себе достаточно сил, чтобы продолжать существовать дальше.

* * *

Дед Афанасий недовольно поморщился, глядя на новичка, прикомандированного к их ремонтной бригаде перед самым рейсом. Парнишка лет пятнадцати откровенно филонил, бестолково суетясь вокруг и даже не пытаясь включиться в работу. Вот и теперь, вместо того, чтобы, закатав рукава, копаться с остальными в промасленном нутре барахлящего дизеля, Петро выудил из-за уха очередную самокрутку и полез по трапу наверх, к выходу из машинного отделения.

– Не много ли смолишь, салага? – В голосе Афанасия прозвучали недовольные нотки.

– Дык, у меня ж того… Первый рейс… Я на остров наш гляну только и назад! – заискивающе залебезил парень.

– Только не схватыфай дозу, путешестфенник! – ухмыльнулся в густые, поистине гусарские, усы тучный механик Бергин, швед.

– Так, кажись, не было предупреждения. Значится, чисто снаружи. Я мигом!

Петро вскарабкался по решетчатым ступеням, дернул рычаг двери и выскочил под открытое небо. Дед Афанасий недовольно хмыкнул, многозначительно переглянувшись с остальными, мол, молодежь, чего с них взять? Один ветер в голове…

– Ничего! Еще прифыкнет, – подал голос швед. – Парень имеет мозги. Как это… Талеко пойтет. Пусть… пофертится.

– Проветрится.

– Та-та! Я так и хотел гофорить.

Седой как лунь бригадир придирчиво осмотрел распотрошенный агрегат и махнул рукой:

– Ладно, мужики. Перекур.

Ремонтники засуетились, разбредаясь по отсеку в поисках удобных завалинок. Споро пошли в дело самокрутки, терпкий аромат табака защекотал ноздри. Примостившись на ящике с гвоздями и вытирая измаранные руки ветошью, Афанасий искоса наблюдал за худощавым новеньким. Вообще в их бригаде новичков числилось двое. Первый – упомянутый уже Петро, местный парнишка, сын дородной поварихи из третьего блока. Имени ее, в силу своей слабой старческой памяти, Афанасий не запомнил. А вот второй… Второй был из «пришлых». Так пренебрежительно колонисты нарекли эмигрантов из питерской подземки, что прибыли на остров первым рейсом.

Зрелище, честно говоря, было жалкое. Переселенцы держались обособленно. Все, как один, – дерганые, пришибленные. Кожа бледная, одежа ветхая. Оборванцы, да и только. Увидав выделенные им бараки, наотрез отказались туда селиться – поверхность пугала их до икоты. В итоге облюбовали себе земляной погреб под складом. Там и сидят теперь, как сычи. Те, что посмелее, конечно, стали нос казать на поверхность, с местными знакомиться. Только мало пока таких. Видать, не сладкая там, в метро, житуха.

Пришлый устроился в углу и сидел молча. Предложенную самокрутку с благодарностью принял, но не закурил, а, бережно завернув в чистую тряпицу, убрал в карман спецовки. Остальные лишь переглянулись. Ну да… Чего с него взять, пришлый – он и есть пришлый.

– А фот скажи-ка нам, Аппанас, – завел речь Бергин. – Зачем столько лес? Неделя назад хотили. Два неделя – тоше хотили. Зачем столько?

– Сам-то как думаешь? – Бригадир многозначительно перевел взгляд на пришлого. – Дома для жильцов новых из чего прикажешь ставить?

– Зачем им дома? – ухмыльнулся в усы швед. – Фсе рафно ситят в подфаалах, как крысы…

Беженец не шелохнулся. Уставился в пол и молчал.

– Ты полегче, Бергин, – осадил дед Афанас. – Людям и так досталось по самое не балуйся. Посмотрел бы я на тебя после стольких лет под землей. Без света, пищи нормальной. Да еще и нечисть всякая норовит тобой отобедать…

– Да потому что нет борьбы! Нато зферье… burn… огонь, шги! А они в землю закопались. Хотя челофек не черфь!.. – Бергин с видимым пренебрежением покосился на пришлого. – Фот ты на поферхность когда-нибудь хотил?

Беженец поднял голову. Посмотрел на шведа пустым взглядом и тихо, словно нехотя, ответил:

– Да.

– Што «та»?

– Было разок.

– Ну и? – Швед поморщился, недовольный тем, что приходится вытягивать из собеседника по слову.

В глазах пришлого промелькнул страх. Он как-то весь съежился, обхватил колени руками и снова опустил взгляд в пол:

– Всемером тогда пошли. За дровами… Пятерых наших сожрали. Фартового я на горбу до станции пер. Порвали его шибко. Кровь ручьем… Кричал он, помню, сильно кричал. Добить просил. Я не послушался. Дотащил-таки. Провалялся Фартовый сутки в бреду, потом помер. А наутро из него гадость какая-то полезла… живая. Оказалось, стрекотница в нем личинки свои отложила… На том фортуна его и закончилась. Разом.

Швед замер с самокруткой в зубах, оторопело глядя на щуплого новичка, пока тлеющий окурок не подпалил усы. Бергин дернулся, выплюнул хабарик, похлопав беженца по плечу:

– Ты… как это… не имей обиты, прат. Я гофорил лишнее. Не бери… не дерши зла.

Пришлый ссутулился, закивал, забормотал вполголоса:

– Разве ж это зло?.. По гроб жизни обязан буду, если оставите. Я выносливый. Работать буду, за всех работать! Всяк лучше, чем в подземке. Я в метро не хочу. Там смерть кругом. Голод. Не хочу. Не хочу…

– Хорошо, брат, хорошо! – Бергин откровенно стушевался, не зная, как замять неудобную ситуацию. – Вот дойдем до побережья, потом… come back – будем обмыфать твое нофоселье. У нас на острофе брага очень good! Шить мошно!

Оживившиеся механики с энтузиазмом закивали. Беседа плавно перетекла в более спокойное русло – обсуждение достоинств местных забегаловок, коих на Мощном насчитывалось не менее десятка. Беженец тоже поуспокоился и заулыбался, ободренный обещаниями вольготной жизни и достатка. В обстановке всеобщего подъема никто не обратил внимание на всполохи режуще-яркого света, что пробился внутрь отсека сквозь дверные щели. Странного сияния хватило, чтобы пространство и предметы внутри отсека на пару секунд приобрели нереальный мертвенно-голубой оттенок. И лишь когда железная створка с грохотом отворилась, разгоряченные беседой ремонтники успели разглядеть, как по трапу с дикими воплями скатился Петро. Чудом не сломав на ступенях хребет, парень забился на полу, закрыв ладонями глаза и страшно воя.

Поднялась суматоха. Кто-то подскочил к бедолаге, пытаясь оторвать его руки от лица. Другие ринулись к выходу с целью выяснить природу кратковременной вспышки.

– Да он ослеп! – донесся чей-то испуганный голос. – Сетчатку выжгло парню!

Шведу понадобились считаные секунды, чтобы взлететь по трапу. Он первым уловил мерный, нарастающий гул, исходивший откуда-то извне. Отчего-то страшно заныли зубы. Еще мгновение – и пугающий звук перерос в рев, заполнив

собой все вокруг, сбивая с толку, дезориентируя.

– Herre Jesus![1 - Господи Иисусе! (швед.)] – завопил механик, застыв в дверном проеме.

Взору шведа открылась не поддающаяся осмыслению, поражающая своими масштабами картина. Родной до боли силуэт острова со всеми его постройками, скалистыми берегами, зеленью аллей и башнями форпостов исчез бесследно. На его месте, взметнувшись в бескрайнее, затянутое кровавым багрянцем небо, стремительно рос гриб ядерного взрыва. Несколько страшных мгновений механик в ступоре смотрел на то, как вспухает, растекается по небосводу чудовищная огненная клякса. Затем палуба под ногами задрожала, заходила ходуном. Неведомая сила швырнула Бергена на пол, впечатав спиной в вентиляционный короб.

Ударная волна достала Вавилон на излете. Под напором беснующихся воздушных масс с древней платформы, словно шелуху, содрало деревянные хибары. Тех несчастных, что находились на внешних палубах, сдуло в воду порывами ураганного ветра. По бортам Вавилона прокатилась гулкая барабанная дробь – раскаленный щебень и осколки раскрошившейся скальной породы пролились на ветхую конструкцию каменным дождем.

Следом, словно испытывая рукотворного исполина на прочность, в высокий борт свирепо ударили тонны бушующей воды. Металлические фермы угрожающе скрежетали, подточенное временем железо переборок вибрировало, а листы обшивки срывало с проржавевших клепок и уносило в море. В довершение всего буровая платформа, содрогнувшись всем корпусом, медленно перекатилась через горб водяного вала, оставляя за собой шлейф из кусков изорванного брезента, изломанных досок и человеческих тел.

* * *

Дед Афанасий приподнялся на дрожащих руках, вглядываясь в полумрак. Освещение, по всей видимости, накрылось. Люди лежали вповалку там, где их застал удар. Кто-то протяжно стонал. Бригадир медленно встал и на негнущихся ногах побрел на звук. Еще мгновение, и он различил силуэт лежащего на полу Бергина. Нога неестественно выгнута, из уголка рта стекает струйка крови.

– Остров… – Прохрипел швед, потянувшись к Афанасу.

– Что? – Старик опустился рядом, осторожно приподняв голову раненого. В глазах его еще стоял немой вопрос, но предчувствие неизбежного уже нахлынуло, затопив сознание ужасом. – Что остров?

– Его больше нет…

Сказанные шепотом, эти три коротких слова громом отозвались в головах остальных. Афанасий растерянно оглянулся, словно искал поддержки. Найдя глазами пришлого, старик вздрогнул. Притулившись у стены, беженец смотрел на бригадира все тем же пустым взглядом. От робкой улыбки не осталось и следа. На лице его застыла маска обреченности, а искусанные в кровь губы продолжали беззвучно шептать:

– Не хочу в метро… Не хочу… Не хочу…

* * *

Грузовой трюм потрепанного Вавилона медленно заполнялся людьми. Уцелевшие стекались сюда со всех уголков гигантской платформы в надежде получить ответы, узнать о судьбе оставшихся на острове близких, разделить горе. То и дело из толпы доносились гневные выкрики, женский плач и стенания стариков.

Гул голосов разом утих, когда на импровизированную трибуну из цинковых ящиков, еле заметно пошатнувшись, взошел капитан Вавилона – седобородый пожилой мужчина в потертом, перемазанном кровью кителе. Забинтованная по локоть рука покоилась на перевязи, лоб над густыми бровями прорезали глубокие старческие морщины, но глаза все еще светились холодным стальным блеском.

Казалось, непосильная ноша ответственности за судьбы выживших сейчас сломает старика, однако щуплый человек на трибуне стоял прямо, готовый пережить с остальными всю горечь произошедшего. Лишь по тому, как капитан стиснул здоровой рукой ремень портупеи, можно было понять, каких усилий стоило ему сохранять видимое спокойствие и присутствие духа. Окинув

собравшихся долгим взглядом, то и дело останавливаясь на лицах особо близких и верных соратников, капитан, наконец, заговорил:

– Братья и сестры! Мы прошли нелегкий путь. Мы пережили страхи, болезни, голод. И хотя путь наш был тернист и долог, перед нами всегда стояла цель, ради которой стоило двигаться вперед, верить в лучшее, идти по извилистой дороге жизни. Сегодня случилось то, что разом перечеркнуло наши надежды на нормальное завтра. Случилось то, что невозможно было представить в самых страшных снах. Нашего дома не стало, и вместе с ним не стало наших родных, близких, друзей. Многие из вас в одночасье потеряли матерей, отцов, дедов. Все мы лишились крова.

В нестройных рядах слушателей заметно стало шевеление. Снова послышались всхлипы. Кто-то истово молился, взывая к милости Всевышнего.

– Не пощадила судьба и наших соседей. Хотя инфраструктура Малого не пострадала, а выброс проникающей радиации не достиг острова, впереди – неизбежное выпадение радиоактивных осадков. А значит, наша первостепенная задача – эвакуировать немногочисленную колонию Малого, пока еще не слишком поздно.

– А дальше что? – выкрикнули из толпы. – Мы же все потеряли!

Капитан не спешил с ответом, ибо любое необдуманное слово в данной ситуации неминуемо привело бы к всеобщей панике и хаосу.

– Мы потеряли ПОЧТИ все! Да, возвращаться нам больше некуда. Но никто не в состоянии лишить нас главного – силы духа. Сегодня мы, как никогда, должны оставаться сильными, потому что впереди ждет последнее и, пожалуй, самое важное дело.

В трюме воцарилась гробовая тишина. Колонисты ловили каждое слово своего лидера.

– Думаю, выражу общее мнение, если скажу, что необходимо во что бы то ни стало разыскать зачинщиков взрыва и поквитаться за смерть наших близких. Известно одно – на Мощном никогда не было ядерного оружия. Только система ПРО[2 - Система противоракетной обороны.] – и та вышла из строя еще много лет

назад. Значит, заряд был завезен извне. – Желваки на лице капитана заиграли. – Вот уже несколько лет мы не находили новых выживших. Так что единственным контактом с внешним миром и по сей день остается недавно завершившийся торговый рейд в Питер. Братья! Нет никаких сомнений в том, что враг затаился в подземке, среди множества угнездившихся там разношерстных колоний. И, если понадобится, мы прочешем каждый дюйм этих вонючих нор, но возьмем ублюдков за горло!

Толпа взревела, поддерживая капитана.

Тот выдержал паузу, наблюдая за соотечественниками. Чувствовалось, что эти люди пойдут за ним до самого конца, куда бы ни завела их судьба, и оттого на душе было неспокойно. Страшно за тех, кто не осилит всего пути, тошно оттого, что исход предстоящего крестового похода предсказать невозможно.

Возле ржавого короба со стропами началась неразбериха. Послышалась ругань. Одни вавилоняне отчаянно пытались добраться до кого-то, скрытого от глаз толпой, другие же преграждали дорогу, отталкивая особо ретивых. Над головами мелькнул обрезок трубы, потом в ход пошли другие подручные средства – цепи, куски арматуры. Не дожидаясь трагической развязки, капитан еле заметно кивнул стоявшему поодаль рослому бородачу в черном заношенном бушлате. Получив приказ, командир патруля вместе с несколькими вооруженными бойцами оперативно продрался сквозь толпу, оттеснив нападавших.

Только теперь капитан разглядел «виновника торжества». Патрульные под руки вели к трибуне изможденного человека в замасленной спецовке. От взора капитана не ускользнули болезненная худоба парня и затравленный, потерянный взгляд. Сзади семенил дед Афанасий. Дружная бригада старика пробиралась сквозь ряды колонистов следом, прикрывая отход патрульных с тыла.

– Как звать? – капитан изучающе смотрел на пришлого.

– Фома.

– Ты ведь из Питера?

Беженец кивнул, утерев кровь с разбитой скулы.

– Паскуда! – донеслось из толпы. – Вздернуть предателя!

– Опомнитесь! – надрывался Афанасий. – Ну при чем тут наш новенький! Что ж теперь, всех пришлых повырезать?!

Капитан поднял руку, и этого короткого жеста хватило, чтобы ропот вокруг стих.

– Есть идеи, кто бы мог это сделать?

Фома отрицательно помотал головой.

– Подумай, парень. Не в твоих интересах сейчас оставаться в стороне. Посмотри на всех этих людей. Они хотят справедливости… И они ее получат.

– Возможно, Веган. Те еще отморозки, – забормотал беженец торопливо. – Или бордюрщики. Хотя, куда им… С эдаким мудреным механизмом разве что мазуты могли управиться. Бомба, как-никак… Хотя зачем им? Да и Приморский альянс такое вряд ли устроил бы… Не знаю я! Богом клянусь, не знаю!!!

Капитан недовольно покачал головой. Помедлив мгновение, он достал сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув, протянул пришлому потрепанную карту питерского метрополитена.

– Нужна станция. Пустующая. Чтоб недалеко от залива.

Фома помялся с минуту, раздумывая над схемой, потом ткнул пальцем в один из кружков:

– Чкаловская. Не так близко, конечно, но других вариантов не вижу. «Прима»[3 - Станция метро Приморская.] подтоплена. На Василеостровской владения Альянса начинаются. На «Кирзе»[4 - Станция метро Кировский завод.] бандиты сидят. Центр заселен весь… Остается Чкаловская…

– Ну что ж. Значит, так тому и быть. – Капитан вдруг пошатнулся, схватившись за сердце, и подозвал помощника. – Заканчивай тут за меня. Успокой людей.

Впереди чертова прорва работы. Надо колонистов с Малого забрать. Да еще Вавилон подлатать, чтоб до Питера дотянул. Будь он неладен, этот город под вольной Невой…

* * *

Глеб встряхнул рюкзак, ослабив горловину. На бетон посыпались пыльные грампластинки. На некоторых из них еще сохранились полуистлевшие обрывки обложек. Такие паренек деловито очищал от остатков бумаги и небрежно кидал в общую кучу.

Таран сидел у кухонного стола, с интересом наблюдая за приемным сыном. С момента завершения той мутной истории с «Исходом» прошел всего лишь месяц, но за это время мальчик окреп, набрался сил и даже разговаривал теперь с какой-то напускной деловитостью. Сталкер усмехнулся собственным мыслям, продолжая следить за тем, как Глеб, закусив губу от усердия, нанизывает виниловые диски на кусок проволоки.

– На кой тебе столько? – не выдержал Таран.

– Завтра торговый караван огрызков прибывает. Вся Московская на ушах! Они из этих штуковин талисманы разные мастерят. Красивые. А в подвале целая куча кругляшей валяется! Сменяю огрызкам на парочку амулетов.

– Кругляши… – хмыкнул сталкер, поднимаясь с табурета. – Сейчас покажу тебе кое-что любопытное.

Через пару минут из кладовки донесся грохот падающей посуды, вперемешку с чертыханиями. Звонко бряцнув о дверной косяк, в коридор выкатился помятый эмалированный таз. Следом, чихая от пыли, вышел сталкер, держа в руках странный агрегат. Глебу такие еще не попадались. Снизу – деревянный лакированный ящик, сбоку – короткая ручка, сверху – изогнутый металлический раструб непонятного назначения.

Мальчику сразу же припомнилось, что на похожем устройстве тетка Агата с Московской крутила фарш для свиной колбасы. От воспоминаний о деликатесе желудок тут же требовательно заурчал, однако сталкер, похоже, не собирался

использовать загадочный аппарат в качестве мясорубки. Вместо этого он наугад выудил из груды виниловых дисков один поцелее, протер поверхность рукавом и аккуратно водрузил на деку граммофона.

Глеб с интересом следил за манипуляциями приемного отца, однако, когда из железного нутра агрегата, сквозь шипение и треск, пробились первые звуки гитары, впал в оцепенение, зачарованно наблюдая за мерным кружением грампластинки.

– Что это? – наконец спросил он.

Но сталкер лишь поднес палец к губам, призывая сына к тишине. Совсем скоро к гитарным переливам добавился пронзительный юношеский голос.

«Засыпает синий Зурбаган…» – затянул исполнитель неожиданным фальцетом.

Таран вздрогнул, с удивлением косясь на граммофон.

А за горизонтом ураган,

С грохотом и гомоном и гамом

Путь свой начинает к Зурбагану…[5 - Строки из песни «Зурбаган» к кинофильму «Выше радуги» (1986). Автор стихов – Л. Дербенев.]

– Да уж, выбрал… – Сталкер поморщился. – Я уж подумал, «Скорпы» или «Металлика». А это Пресняков заходится.

Однако Глеб слушал песню внимательно, и лишь когда мелодия стихла, обратился к Тарану:

– Расскажи про Зурбаган, а?

– Ну… Ты же знаешь, я не мастак языком трепать. – Сталкер принялся вяло ковыряться в пластинках, пытаясь разобрать названия на выцветших этикетках. – В общем, это такое сказочное место… Ну… вроде как легенда. Красивый городишко у моря… Улицы, мосты, каменная набережная… Гавань, полная кораблей… Город мечты, одним словом. Попробую у барыг с Сенной

рассказы Александра Грина поискать. Получится – сам почитаешь, поймешь.

– А почему город у моря? Он же глубоко под землей. Откуда там воде взяться?

Таран прекратил ворошить пластинки, посмотрел на сына внимательно:

– Кто тебе такое сказал?

Мальчик замялся, смешно наморщив курносый нос:

– Все говорят…

– Глеб?..

Когда сталкер говорил так, вкрадчиво и немногословно, с ним лучше было не шутить, поэтому паренек, не выдержав строгого взгляда нареченного отца, выложил начистоту:

– Мне один каторжный на Звездной рассказал, что есть, мол, где-то глубоко под метро тайный город Зурбаган. Большой, яркий, в цветах весь. И светло там, как днем. И у каждого свое отдельное жилище. Представляешь, у каждого! – Паренек мечтательно заулыбался, но, перехватив напряженный взгляд отца, мигом посерьезнел. – Я понимаю, что это всего лишь легенда, но зато какая красивая…

– Глеб, – прервал сталкер. – Что я тебе говорил по поводу каторжных?

– Но дядя Пахом рядом был. Ты ж знаешь, с ним безопасно, и…

– Значит так. Узнаю, что ты самовольно в туннель бегаешь, выдеру. Запомни. А Пахому скажу обязательно, чтобы гнал тебя со Звездной в три шеи! Нечего ошиваться возле всякого сброда!

Мальчик насупился. Наведываться в шахту, которую коммунисты упорно копали в попытках добраться до Москвы, было одним из любимейших его занятий. Кого только не забрасывала сюда судьба! Бывшие головорезы, щипачи, аферисты всех мастей… Хотя попадались и обычные люди, попавшие сюда, в основном, за

долги. Коммунисты рады были каждому – кандалы на ноги, лопату в зубы и вперед, рыть дорогу к светлому будущему!

Дядя Пахом – огромный, ростом почти с Дыма, широкоплечий амбал примерно одного с Тараном возраста – частенько захаживал на Звездную. Оно и понятно: бизнес у него серьезный – оружие, а торговые точки чуть ли не по всему метро. Даже мазуты Пахома главным конкурентом считают, уж больно плотно и давно тот на сбыте стволов сидит. А откуда берет – одному богу известно.

С Тараном оружейник знаком был не понаслышке: как-то сталкер спас ему жизнь. На поверхности, ясное дело… Так что знакомство более чем полезное. Да и к Глебу Пахом уважительно отнесся, с самой первой их встречи. Не раз всякими интересными штуками баловал – то книгу какую притащит про оружие, то гильзу-солонку. А недавно метательную звездочку подарил, настоящую! Правда, мудреное название мальчик не запомнил, а переспрашивать как-то неудобно было – ведь не ребенок уже, должен с первого раза все усваивать.

Теперь, видать, со Звездной придется повременить, пока Таран не смягчится. А оттает он обязательно – не может долго строгим быть, слишком любит. Хоть и старается этого не показывать, да только Глеба не обманешь. После памятного похода в Кронштадт они теперь – «не разлей вода». Мальчик улыбнулся.

– Чего лыбу давишь, шантрапа? – Таран уже перестал хмуриться и теперь собирал в дорогу рюкзак. Упаковка галет, банка тушенки, инъекторы с мутной жидкостью…

От взгляда мальчика не ускользнуло, как отец вдруг заторопился. Видимо, почувствовал надвигавшийся приступ – не хочет при сыне колоться. Хворь сталкера с каждым днем проявлялась все сильней. Яд болотного дьявола продолжал подтачивать здоровье, а приступы с каждым разом становились все тяжелей и продолжительней. Сыворотка Вегана уже не действовала так эффективно, как раньше, и Глеб, наблюдая за отцом, неоднократно замечал, как хмурится тот порой, проверяя запасы дорогостоящего лекарства.

Экипировавшись, Таран кивнул мальчику на прощание:

– Ну, бывай! Мне пора. Остаешься за старшего. К двери…

– Да помню все! – закивал Глеб. – К двери не подходить. Сидеть тихо. Из стволов не палить. Ты надолго?

– Так кто ж его знает, что там у них стряслось. Мазуты говорят, что-то из ряда вон… Пойду, разузнаю. Думаю, за сутки обернусь.

– А мне с тобой нельзя?

– Не тот случай, Глеб. Незачем тебе слушать, как взрослые дяди ругаются. Не скучай!

Сталкер замер в проеме гермодвери. На мгновение обернувшись, улыбнулся сыну и нырнул во мрак коридора.

Дверь захлопнулась. Глухо лязгнули стальные засовы. Глеб вернулся к вороху грампластинок и только теперь вдруг осознал, что из-за отлучки Тарана предстоящая торговая сделка с огрызками, похоже, отменяется. Ну и ладно! Зато с этой «музыкальной мясорубкой» кругляшам найдется более достойное применение!

Пройдя по темному коридору совсем немного, Таран сполз по стене и тихо, чтобы не услышал Глеб, застонал, не в силах совладать с невыносимой болью. Игла инъектора с характерным «пшиком» вошла в мышцу. Сталкер привычно сжался в комок, пережидая приступ. Сердце бешено колотилось, на лбу выступили крупные капли пота. Впервые на памяти Тарана закололо в груди – жуткая болезнь брала свое…

Глава 2

Ультиматум

Сенная гудела, словно растревоженный пчелиный улей. Всего пару часов назад на станции велась бойкая торговля, а на платформе было не протолкнуться от прилавков и зазывал. Теперь же центральную зону расчистили, расставив по окружности ряды наскоро сколоченных скамеек. Заезжие караванщики с

интересом наблюдали за спешными приготовлениями, переговариваясь вполголоса и строя самые невероятные предположения. Заинтригованный происходящим, подтягивался и местный люд, однако вскоре объявились угрюмые бойцы из внутренней охраны торгового узла Садовая – Сенная – Спасская. Оттеснив зевак в дальний конец станции, споро оцепили импровизированное лобное место.

Руководил приготовлениями представитель администрации Сенной Пантелей Громов, смешной человек низкого роста в больших старомодных очках и видавшем виды синтетическом, в ромбик, свитере. Раздавая указания, он метался вдоль платформы, и его очки при этом то и дело норовили съехать с переносицы. Коротышка остервенело запрокидывал голову, возвращая их на место, и кричал на подчиненных пуще прежнего, словно пытался оправдать звучную внушительную фамилию. Однако стоило показаться первым гостям, Пантелея словно подменили. Расплывшись в приветственной улыбке, администратор поспешил навстречу группе угрюмых людей, одетых неброско и опрятно. Приморский Альянс… Одна из самых влиятельных группировок в подземке. И, пожалуй, единственная, способная дать отпор Империи Веган, раскинувшейся на юге зеленой ветки – начиная от Плана[6 - Станция метро Площадь Александра Невского.] и заканчивая периферийной Обухово.

Не успели вновь прибывшие рассесться, как из туннеля появилась делегация с Техноложки[7 - Станция метро Технологический институт.]. Промасленные комбинезоны, навесные пояса с инструментами… Этих ребят спутать с кем-то еще было попросту невозможно. Мазутов знали везде. На их знаниях и производственных мощностях держалась большая часть обитаемого метро. Свет, вентиляция, топливо… За свои услуги Техноложка брала немалую мзду, и по уровню освещения, протянутого мазутами, вполне можно было судить о достатке той или иной станции.

Мазуты держались свободно, перешучиваясь вполголоса. Примостившись недалеко от делегатов Альянса, они с интересом разглядывали веганцев, уже спускавшихся по лестнице перехода. Те, не изменяя традициям, явились в вызывавшей у многих стойкое отвращение, вычурной зеленой форме. Правда, одной детали явно не хватало – привычных стеков в руках у имперцев не было. Все оружие у гостей тщательно изымалось на блокпостах – слишком разношерстная публика собиралась сегодня на торговом кольце…

Попадались среди прибывших и представители независимых станций. Мелькнула в толпе выцветшая ментовская фуражка – «Балты»[8 - Обитатели станции метро Балтийская.] своего человека прислали разузнать, что за бедлам творится. До чего мило смотрелся он рядом с нечесаным патлатым головорезом с «Кирзы», который нагло улыбался соседу по ветке во весь свой щербатый рот! Особые правила, действующие на территории всех трех станций торгового кольца, вынуждали обе непримиримые стороны сохранять нейтралитет. Парочка неприметных дендрофилов с Петроградки[9 - Станция метро Петроградская.] о чем-то оживленно перешептывалась с Никанором, главой Московской. Нашлось в кругу место и для группы «товарищей» со Звездной. Правда, те держались обособленно, старательно делая вид, что происходящее вокруг их совершенно не интересует.

Мелькнул у самого края брезентовый плащ мортуса. Странные донельзя типы, но без могильщиков в подземке никак нельзя. Гниющие трупы в окрестностях обитаемых станций – рассадник инфекций и верный способ приманить крыс. А с обычным уровнем смертности в подземке огонь в крематориях мортусов не угасал ни на секунду.

Последними прибыли Бордюрщики. Побродив, нашли места подальше от делегатов Приморского альянса, с затаенной ненавистью поглядывая на бывших врагов. Слишком свежи еще были воспоминания о недавнем конфликте. Слишком многое потеряли они в той короткой, но кровопролитной войне[10 - События книги «Метро-2033: Питер» Шимуна Врочека.].

Коротышка в облезлом свитере, в тысячный раз поправив огромные очки, вскинул руки, подобно дирижеру, призывая собравшихся к тишине. Гул голосов разом стих. На мгновение показалось, что даже лампы освещения притухли, словно перед началом концерта.

– Господа!

– Где ты тут господ увидел? – тут же взвился один из коммунистов, немолодой уже мужичок в истертой до неузнаваемости кожаной куртке. – Повымирали давно господа твои…

– Товарищи! – поправился Пантелей.

– Сытый голодному не товарищ! – на автомате выпалил мордастый тип в ментовской фуражке и пьяно заулыбался.

– Братья, друзья, коллеги! – занервничал обладатель самых больших в мире очков.

Теперь разом заголосило сразу несколько человек. Аудитория беспокойно зашевелилась, и собрание грозило закончиться, так и не начавшись.

Коротышка беспомощно оглянулся вокруг, промокнул аккуратно сложенным вчетверо платочком взмокшую лысину и вдруг взвился, истерично подвывая:

– А ну заткнулись уже! Что за детский сад, в конце концов! Может, вам, уродам, жить надоело? А мне – нет! Ну-ка, схлопнули варежки, живо!

Видимо, неказистому администратору Сенной удалось удивить и заинтриговать гостей. Сдерживая смешки, публика умолкла.

– Всем вам известно, что последний раз Совет собирался три года назад из-за эпидемии чумы. Причина, по которой вас экстренно созвали сегодня, не менее серьезна. – Пантелей эффектно держал паузу, пока не перехватил скучающий взгляд смуглого, с восточным разрезом глаз, делегата, представлявшего здесь Азерки[11 - Станция метро Озерки.]. – Нашим станциям грозит газовая атака.

Под сводами Сенной эхом прокатился гул встревоженных голосов. Не дожидаясь, пока публика вновь успокоится, коротышка указал пальцем куда-то в ряды сидевших, перекрикивая толпу:

– Я хотел бы дать слово этому человеку. Он представляет здесь колонию острова Мощный.

Все, как один, повернули головы, разглядывая щуплого старика, что поднимался со скамьи. Дед Афанас прошаркал, сгорбившись, в центр импровизированной арены. Не таясь, поднял голову, исподлобья оглядывая разношерстное собрание. В глазах старика застыл лед. Публика как-то разом присмирела, затихла.

– Мне трудно говорить, – хрипло начал старик. – И еще труднее молчать… Кому-то хватило духа применить на острове ядерное оружие. Колония Мощного перестала существовать…

Афанас запнулся. В глазах заблестела предательская влага. Но голос оставался твердым.

– Экипаж Вавилона – это все, что осталось от нашего народа. Мы – мирные люди и никогда не зарились на чужое. Оттого я хотел бы спросить у вас всех, – старик обвел рукой присутствующих. – За что? ЗА ЧТО?!

Рука Афанаса задрожала, лицо перекосилось.

На платформе установилась гробовая тишина. Делегаты переглядывались. Никто не решался нарушить молчание, ежась под тяжелым взглядом старика. Лишь холеные веганцы, прикрывая ухмылки блестящими перчатками, еле заметно улыбались – чужие страдания вызывали у них неподдельный восторг.

Афанас опустил руку. Так и не дождавшись ответа, тяжело выдохнул и тихо продолжил:

– Я здесь для того, чтобы передать условия экипажа. У нас достаточно техники, чтобы пробиться по поверхности к любой вентиляционной шахте. Брать нас штурмом тоже не советую: боеприпасов и демонтированного с Вавилона оружия хватит на каждого, кто рискнет сунуться к Чкаловской. У вас есть неделя, чтобы найти и выдать нам зачинщиков взрыва. В противном случае на ваши станции – все, без исключения – будет пущен иприт.

Воздух, казалось, звенел от напряжения. Притихли даже зеваки, наблюдавшие за собранием издалека. Совет переваривал услышанное. Афанас повел плечом – в кисть скользнула рукоять морского кортика, доселе спрятанного в рукаве холщовой рубахи. Охранники дернулись было в сторону нарушителя, однако остановились, уловив жест администратора. Надрезав ладонь, старик выждал, пока кровь растечется по лезвию, затем размахнулся и с неожиданной для своего возраста силой вогнал нож в стык между плитами пола. Гулкий звук заставил многих вздрогнуть. Опустив голову, старик вышел из круга и медленно побрел к выходу со станции.

Лишь когда силуэт деда Афанаса растворился в туннельной тьме, собравшиеся зашевелились, будто освободившись от неких чар, наложенных стариком в приступе гнева. Словно и не живой человек стоял только что перед ними, а морок наведенный. Коллективная галлюцинация. Однако торчавший меж бетонных плит кортик говорил об обратном – необычный визитер был так же реален, как и предъявленный им ультиматум.

* * *

Топот босых ног в бетонной кишке дренажного желоба был практически недосягаем для слуха. Лишь редкие всплески воды выдавали присутствие людей там, где их путь пересекался со струящимся по дну коллектора ручейком. Бесшумной поступью отряд достиг горловины туннеля и выскочил в нутро объемного резервуара. В лучах лунного света, проникавшего сверху, сквозь канализационные решетки, стали различимы детали странного одеяния крадущейся в тишине группы. Голые торсы, всклокоченные волосы, нарукавники с шипами, грубо скроенные кожаные юбки на манер шотландских килтов. Лица ходоков закрывали повязки из небрежно намотанной в несколько слоев материи. Лишь один – в примитивном, видавшем виды респираторе. Короткие копья и увесистые, в зазубринах, мачете добавляли колорита экзотичным воинам.

Проскочив открытое пространство, отряд скрылся в очередном штреке. Человек в респираторе вел группу уверенно, привычно минуя давно заученные развилки. Изредка, правда, он останавливался, подзывая одного из ведомых. Выставив вперед клетку с диковинным зверьком, отдаленно напоминавшим крысу, тот внимательно следил за поведением животного. Единожды зверек заметался, издавая отрывистый клекот. Похоже, учуял невидимую смерть. Маршрут пришлось изменить – воины предпочитали не спорить с показаниями «живого дозиметра».

Новый путь преподнес неприятный сюрприз – туннель внезапно обрывался на краю разлома внушительных размеров. Гигантская трещина в земле протянулась на добрую сотню метров в длину. Наверху маячила полоска сумрачного предрассветного неба. Противоположный край разлома виднелся метрах в пяти впереди, словно край слоеного торта в разрезе, обнажая пласты земли, норы неведомых обитателей нового мира, останки фундаментных плит и ржавые трубы теплотрасс.

Посовещавшись, ходоки споро наладили переправу, накинув лассо на торчавший обрезок водопроводной трубы. Пока воины по одному перебирались на противоположный край разлома, опасно раскачиваясь на тросе, их вожак пристально следил за небом сквозь прицельную рамку арбалета – охочих до человечины хищников всегда хватало.

Преодолев препятствие, ходоки снова углубились в лабиринт подземных коммуникаций. Ужами протискиваясь в полуразрушенные сбойки, пробираясь по давно покинутым кабельным коллекторам, они то и дело припадали к земле, вслушиваясь, изучая. Когда из очередного бокового штрека послышались звуки человеческой речи, воины затушили большую часть факелов и пошли осторожнее, стараясь не обнаружить свое присутствие ни единым шорохом. Совсем рядом проходила ветка метрополитена, и всего несколько метров земли отделяло ходоков от обитаемой станции. Но не она являлась целью путешествия.

Крадучись, отряд почти миновал опасную зону, когда из мрака стремительно выскочил комок чего-то живого, аспидно-черного, распрямляясь в полете подобно спущенной пружине. Мелькнули в свете факела хитиновые сочленения. Ближайший воин дернулся, едва не заорав, – в бедро, свернувшись вокруг ноги, впилась крупная, длиною не менее метра, сколопендра. Спутники мгновенно бросились на выручку. Борьба проходила в абсолютном безмолвии. Несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы отодрать извивавшуюся тварь от пострадавшего. Костяной наконечник копья пригвоздил сколопендру к земле, размозжив голову, однако та уже сделала свое дело. Вожак осмотрел раненого. Место укуса посинело, а нога стремительно, буквально на глазах, распухала. Воин забился в предсмертных судорогах, глухо застонав. Глаза бедолаги закатились. Зажав ему рот рукой, вожак придерживал агонизирующее тело, пока конвульсии не стихли.

Прощание было недолгим – любое промедление грозило провалом миссии. Сбросив труп в ближайший канализационный колодец, вожак погнал своих людей дальше, к одному ему известной цели. Еще несколько туннельных смычек, пара узких технических переходов – и впереди, наконец, показалась заветная гермодверь с круглым оконцем посредине. Сквозь помутневшее от времени стекло просачивался уютный неяркий свет.

Один воин с зажатым в зубах ножом бесшумно вскарабкался на притолоку над дверью, остальные сгрудились за углом, приготовив оружие. Вожак скинул

респиратор и, сделав на руке короткий порез, размазал кровь по лицу и груди. Затем громко постучал в дверь и распластался на бетонном полу, застыв в неподвижной позе.

Свет в оконце заслонила чья-то тень. Воины терпеливо ждали, затаив дыхание. Спустя довольно продолжительное время еле слышно заскрипел механизм затвора гермодвери. Воин на притолоке оскалился, обнажив гнилые, криво торчащие зубы…

* * *

– Да ерунда это все!

– Откуда у них иприту взяться?

– Блеф!

– Догнать старика – и в заложники!

– Да чего с ними цацкаться! Взять станцию нахрапом и раздавить к чертям!

Собрание бурлило. Делегаты надсаживали глотки и распалялись все больше, пытаясь убедить друг друга в ничтожности маячившей угрозы. Правда, были среди присутствующих и те, кто лишь следил за эмоциональными речами коллег, не вступая в бурные и бесполезные дебаты. Одним из таких «молчунов» оказался русоволосый плечистый парень в бушлате с эмблемой Приморского альянса – сжатым кулаком в белом круге. За все время он не проронил ни слова, зато когда поднялся со скамьи, споры сами собой прекратились.

– Говорить можно много и нудно, но время, как я понимаю, работает против нас. Сталкеры наблюдали, как моряки Вавилона пробивались к Чкаловской. Техники и оружия у них действительно – как у дурака фантиков. Захотят к воздухозаборникам пройти – пройдут. Никакие патрули не помогут. Да и сталкеры вряд ли согласятся на поверхности войну затевать. И без того мрут как мухи.

– Штурм Чкаловской тоже ничего не даст, – вступил адмиралтеец, сидевший справа. – Подходы к станции перекрыты наглухо, ни одной мертвой зоны. Повсюду пулеметные гнезда, огнеметы в ВШ[12 - Вентиляционная шахта.]. Хорошо окопались, грамотно.

Бордюрщик с противоположной стороны вскочил, потрясая кулаками:

– Старикана этого прям тут решать надо было! Или в заложники!

– Никто никого на территории торгового кольца решать не будет! – подал голос коротышка в очках. – Да и заложник из него не ахти какой. Думаете, случайно парламентером старика прислали? Лучше давайте вместе подумаем, кто бы мог устроить подобный взрыв. Может, у кого есть какие соображения на этот счет?

Центральный зал Сенной в очередной раз взорвался криками. Добрая половина делегатов обличающе тыкала пальцами в соседей, оскорбления лились непрекращающимся желчным потоком.

– Мазуты, кто ж еще! – надрывался седовласый бордюрщик, бешено вращая глазами. – Только они могли бомбу смастерить!

– Чушь! – отмахивались те. – Это попросту невозможно в наших условиях!

– Веган это! – грохотал головорез с Кирзы. – Они больше всех на поверхности шарятся, могли и ракетную часть какую обнести!

– А я говорю, с Альянса спрашивать надо!

– Во всем виноваты коммуняки!

– Бордюрщиков к ответу!

Прилагая титанические усилия, Пантелей Громов в который раз пытался утихомирить спорщиков. Становилось ясно, что ни найти виновных, ни договориться о чем-либо в подобном бедламе вряд ли удастся.

Увлеченные перепалкой, делегаты не обратили внимания на одинокую фигуру, покинувшую лобное место. Таран услышал достаточно и теперь направлялся прочь со станции. Предстояло подготовить их с Глебом убежище к возможной атаке беженцев с Вавилона – замаскировать раструбы вентиляционных вытяжек во дворе больницы, усилить гермодвери…

– Погоди, сталкер.

Таран обернулся, остановившись у спуска с платформы. Возле входа в служебные помещения стоял начальник Сенной, Виктор Терентьев. Руки, как обычно, сложены на груди, мешки под глазами от хронического недосыпа, сметливый взгляд из-под кустистых бровей. Сталкер слишком хорошо знал этот взгляд. Оценивающий. Расчетливый. Недаром Терентьева прозвали Тертым.

– Зайди, побалакаем. – Виктор сделал приглашающий жест и первым нырнул в коридор с обшарпанными стенами.

Предчувствия подсказывали, что предстоящий разговор не сулит ничего хорошего. И все же, Таран двинулся следом, косясь на лохмотья старой краски, покрывавшей стены подобно струпьям облезлой шкуры. Серый, в потеках, потолок также не добавлял красоты. Терентьева, похоже, такие мелочи абсолютно не волновали. Не до эстетики, видать. Бизнес всегда на первом месте.

Каморка начальника не отличалась особой роскошью. Койка, дощатый стол, пара стульев, карта метрополитена на стене и огромный дубовый шкаф, заваленный ворохом пожелтевших от времени бумаг, – вот, пожалуй, и все детали нехитрого убранства.

– Чай или чего покрепче?

Сталкер отрицательно помотал головой. Тертый кивнул, словно и не ждал от наемника другого ответа.

– Ну что ж, тогда к делу. – Начальник Сенной плюхнулся на стул. – Как тебе эти шуты?

Таран лишь махнул рукой.

– Вот и я о том же. Балаболить горазды, а выхлопа – ноль. Ну, ничего. Пантелей им мозги вправит. Толковый малый.

– Сомневаюсь, Тертый. Пока жареным не запахнет, они с места не двинутся. Куда уж твоему Пантелею.

– Ты его плохо знаешь. Громов только с виду придурковатый. Вот увидишь, еще немного, и он их дожмет. Сами дотумкают, что без третьей стороны в этом деле не обойтись…

– Третьей стороны? – переспросил Таран, с подозрениям косясь на Тертого. – Погоди, уж не для того ли ты меня вызвонил, чтобы…

Виктор продолжал смотреть на сталкера искоса. Хитро так смотреть. Жучара…

– Ты единственный имел дело практически со всеми колониями. Тебе многие доверяют – репутация безупречная. Стало быть, на любую станцию доступ открыт. Да и дело-то плевое. Пройдешь с инспекцией по подземке, убедишься, что в метро нашем ядерной бомбе взяться неоткуда. Результаты потом предъявим этим морячкам. Глядишь, и спустим дело на тормозах. Обживутся, поутихнут. Торговлю, опять же, наладим.

Тертый подцепил со стола исходящую паром кружку, старательно подул и отхлебнул варева, не забывая при этом коситься на собеседника. Хитрый, черт. Заранее все просчитал… Все верно. Именно таким и должен быть глава торгового сердца подземки. Изворотливым, дальновидным. До сих пор узлу Садовая – Сенная – Спасская удавалось сохранять нейтралитет в разборках множества колоний. Со всеми у них мир, куда ни плюнь… Народная мудрость гласит: с умным договорись, дурака обмани… Тем и живут, прохвосты.

Таран отвлекся от раздумий, учуяв дразнящий запах чая. Настоящий, цейлонский. Не чета безвкусному грибному суррогату, что пьют простые смертные. И ведь достают где-то… Торгаши, одним словом. Усилием воли сталкер переключился на тему беседы.

– Как у тебя все просто… – внушительная пятерня пробарабанила по столешнице. – Откуда такая уверенность, что наши ни при чем?

– Ну сам посуди, – Виктор вскочил со стула, отчаянно жестикулируя. – Ни у кого в метро подобных технологий попросту нет. А моряки, думаю, не в курсе всего, что творилось на этом злосчастном острове. Слыхал, на чем они к Чкаловской прикатили? Говорит тебе что-нибудь аббревиатура «МЗКТ»? Семь-девять-два-два-один?

От начальника Сенной не ускользнуло, как встрепенулся Таран.

– То-то же. Армейский тягач, модификация, заточенная под перевозку «Тополя-М». Вот только самой ракеты на тягаче не было. Чуешь, к чему клоню? Уж не боеголовка ли от «Тополя» рванула на Мощном?

Сталкер молчал, прикидывая варианты. Версия у Терентьева получалась складная. Руководство Мощного вполне могло напороть дел с опасной игрушкой – уж больно нездоровый интерес у них к оружию. В этом Таран убедился лично, когда с Глебом на остров попал.

– Чего думать? – торопил Виктор. – Соглашайся! Работенка не пыльная, а уж мы в долгу не останемся!

– Не нужно мне от вас ничего.

– От торгового кольца, думаю, да, – хитро ухмыльнулся Тертый. – Но кое-кто там, на платформе, готов предложить тебе нечто, от чего ты вряд ли откажешься. Пойдем!

Снаружи они стали свидетелями нелицеприятной сцены. Какой-то проходимец пытался вырвать из рук чумазой девочки торбу с нехитрыми пожитками. Таран остановился. Пару месяцев назад он бы прошел мимо и не поморщился. Но с появлением Глеба внутри словно переключилось что-то.

– Чего беспределишь? – вмешался он, буравя молодчика тяжелым взглядом.

При виде грозного сталкера тот обмер и, поразмыслив секунду-другую, счел за лучшее сгинуть прочь. Воспользовавшись заминкой, девочка в мешковатом, не по размеру, комбинезоне тоже скрылась в толпе, бросив на ходу:

– Спасибо!

Виктор потащил Тарана дальше. Вернувшись к лобному месту, они успели уловить обрывок фразы, брошенной взмокшим от усердия Пантелеем:

– …И это еще раз доказывает, что он как никто другой подходит для этой миссии! Кто «за» – прошу голосовать!

В воздух взметнулся лес рук. Многие при этом, завидев сталкера, одобрительно кивали. Как и предсказывал пройдоха Тертый, делегаты пришли-таки к очевидному решению.

– Скажешь что, Таран? – спросил коротышка, торжествующе улыбаясь.

Сталкер окинул взглядом сидевших в кругу людей. Раскрасневшихся от споров, измотанных взаимными оскорблениями. Каждый второй готов в следующий момент вцепиться в глотку соседу… Если моряки со своим ипритом не подсуетятся, так они сами друг друга потихоньку вырежут. Какая разница?.. Выборка из ошметков человечества в отдельно взятом метрополитене. Удручающее зрелище…

– Дело мутное. Да и я не сыскарь какой. Сами копошитесь.

Совет загудел, обсуждая отказ наемника. Пантелей в отчаянии закусил губу. Тертый стоял неподвижно, продолжая ухмыляться.

Наконец в кругу наметилось движение. Со своего места встал немолодой уже веганец. Сатур… Через этого пижона Таран получал из Империи сыворотку. Скользкий тип. Острые черты лица, надменный колючий взгляд. К вороту ладно пошитого сюртука приколота ядовито-зеленая, в шипах, веточка неизвестного растения – очередной мутировавшей дряни, судя по всему. Экологи нового мира, м-мать…

– Как твое здоровье, сталкер? – вкрадчиво поинтересовался он.

Таран схлестнулся с веганцем взглядом, выжидая. Сатур тоже не спешил, наслаждаясь всеобщим вниманием. И все-таки не выдержал, первым нарушив затянувшуюся паузу:

– Веган нашел способ исцелить тебя. Полностью. По-моему, достойная плата за мутное, как ты выразился, дело. Счет, естественно, будет предъявлен всем колониям в равных долях.

Сатур хищно улыбнулся. Делегаты перешептывались в ожидании решения. Пантелей с остервенением протирал запотевшие очки. Тертый маялся поодаль, в нетерпении отбивая носком ботинка незамысловатый ритм.

Теперь настала очередь наемника тянуть время. Предложение было, чего уж там, неожиданное. Заманчивое, но с запашком, черт бы побрал этих веганцев… Сталкер судорожно прикидывал так и эдак, взвешивая все «за» и «против». От предложения Совета за версту несло подставой. Шансы оказаться крайним во всей этой истории, конечно, велики, но возможность излечения…

Интерес Вегана в этом деле был прост и понятен – нажиться на исцелении. С наемника много не возьмешь, а вот с крупных колоний можно урвать неплохой куш. Потому, видимо, они и молчали раньше о лекарстве – держали козырь в рукаве, ждали подходящего случая. Да и вряд ли имперцы испугались кучки каких-то там беженцев. Слишком мощная это структура, чтобы серьезно относиться к подобным угрозам. Тем более, пилить с Чкаловской до владений Вегана – не ближний свет…

Сейчас Таран думал не о себе. Пожил, как-никак. Другое дело – Глеб. С каждым новым приступом мысли о будущем ставшего родным сына тяготили все больше. Сталкер сжал лямки рюкзака так, что побелели костяшки пальцев, но на лице не дрогнул ни единый мускул.

В гробовой тишине отчетливо зазвучал его хриплый голос:

– Согласен.

Вдоль рядов пронесся дружный вздох облегчения.

– Оповестите свои станции о предстоящем визите. Мастерские, склады, фермы, жилой сектор – смотреть буду все. Счастливо оставаться.

Наемник собрался было уходить, но…

– Еще не все, сталкер, – окликнул Сатур. – Сам понимаешь, у каждой колонии свои… секреты. Своя тактика обороны. Слабые места… Мы должны взять с тебя обязательство сохранять в тайне всю информацию о станциях, не относящуюся к сути вопроса. По-моему, вполне логичное требование, не правда ли, уважаемые?

Веганец оглянулся по сторонам в поисках поддержки. Делегаты согласно закивали. Безгрешных тут не было. Темные дела крутили везде. Что уж там про Веган говорить… Скрытные ублюдки…

– Даю слово, – бросил Таран, отчетливо ощутив вдруг, как сильно увяз в ворохе чужого грязного белья.

Сказанного не воротишь. Выбор сделан. И лишь какая-то, свойственная только сталкерам, чуйка подсказывала, что проблемы только начинаются.

Глава 3

Пропажа

Весть об уничтожении колонии Мощного стала для Тарана полной неожиданностью. Казалось, еще вчера они с Глебом мерили шагами булыжные мостовые уютного поселка, общались с приветливыми и по-своему счастливыми жителями, дивились аккуратным клумбам, пестревшим всеми цветами радуги. А теперь этого райского уголка не стало в одночасье. Удивительно, как в человеке уживаются желания созидать и разрушать…

Вести по метро расходятся быстро. Только теперь, узнав о трагедии, сталкер заметил неуловимые на первый взгляд перемены в поведении людей.

Казавшиеся такими реальными планы на скорое переселение рухнули, подорвав и без того низкий моральный дух жителей метро. На смену деловой суете пришла апатия, разговоры звучали реже, а лица многих снова застыли масками обреченности; из их взглядов словно выскоблили всякую надежду.

Проходя транзитом Фрунзенскую, Таран заметил несвойственное для тихой станции скопление народа на платформе. Люди сгрудились вокруг уложенных в ряд брезентовых мешков… Трупы. Картина настолько обыденная и привычная, что давно уже не вызывала ни ужаса, ни сострадания. Новый день – новые жертвы. Чему удивляться в этом чудом уцелевшем, зарытом в землю огрызке канувшего мира? Рядом мелькнул плащ мортуса. Сегодня безликим санитарам предстоит много работы.

Еле различимая в свете редких ламп, от толпы отделилась серая тень. Еще немного, и Таран разглядел лицо женщины в черном платке, которая направлялась к нему через платформу. Припухшие от слез, но сухие глаза – все уже выплакано, ровная линия мертвенно-бледных дрожащих губ, отрешенный взгляд, в котором не осталось ничего, кроме безграничной скорби.

– Ты ведь наемник? – тихо спросила она, глядя на сталкера в упор. – Сколько стоят твои услуги?

Таран замешкался, уже догадываясь, о чем та хочет попросить. Сторонними заказами сейчас заниматься было не с руки…

Уловив настроение сталкера, женщина заторопилась:

– Мы соберем плату. Всей станцией. Только найди их. Найди и убей. Всех. Ты слышишь, сталкер? Убей их всех! Убей!

Рот ее скривился в гримасе отчаяния, худые бледные руки забарабанили по груди сталкера. Но тот, казалось, не чувствовал ударов, глядя в ее черные от горя глаза. Он продолжать стоять, не в силах развернуться и уйти своей дорогой. Наконец местные оттащили женщину и увели к фанерным клетушкам жилых бараков.

– Не серчай, Таран. Сына у нее убили. И еще пятерых наших… – Рядом со сталкером стоял, опираясь на массивный костыль, щуплый старик с культей

вместо ноги. – Банда Безбожника. Слыхал, небось, о таких? Вконец озверели, подонки, ничего не боятся.

Сталкер молчал. О «безбожниках» – так нарекли себя эти головорезы в угоду своему главарю – слухи ходили нехорошие. Тарану даже было известно об их логове в перегоне между желтой и фиолетовой ветками. Этот межлинейник позволял попасть с Достоевской на Техноложку через Звенигородскую и Пушкинскую, минуя таможенные барьеры торгового кольца. Теперь в ССВ[13 - Служебная соединительная ветвь.] прочно обосновались безбожники, собирая с контрабандистов мзду за проход. Не гнушались этой лазейкой и поставщики наркоты с Улицы Дыбенко, равно как и работорговцы Вегана, ведь попасть на юго-запад метрополитена по красной ветке было невозможно из-за гигантского разлома в земле между Пушкинской и Владимирской.

Случались у безбожников и набеги на слабые периферийные станции. Так что с того? Воюют все: колонии, альянсы, одиночки… Кто из них прав, кто виноват – поди разбери. Встревать в чужие разборки, да еще против целой банды, было глупо. Старик, видимо, думал примерно так же, поскольку не остановил наемника, когда тот, кивнув на прощание, двинулся своей дорогой.

– Мир твоему дому, сталкер… – услышал Таран его тихое напутствие, но не обернулся. Впереди ждали неотложные дела.

Не задерживаясь более на транзитных станциях, он возвращался домой, в больничное бомбоубежище. Позади остались черная от кострищ платформа Московских ворот, шумная «Электра»[14 - Станция метро Электросила.], продуваемый туннельными сквозняками «Папа»[15 - Станция метро Парк Победы.]. Патрульные на блокпостах лишних вопросов не задавали и открывали проход, едва завидев знакомый силуэт сталкера.

Не доходя до Московской, Таран привычно повернул в боковой штрек. До дома оставалось всего ничего – несколько коротких переходов по узким сбойкам с шершавыми, грубо сработанными стенами. Вскоре он уже поднимался по скобам вертикальной шахты, предвкушая сытный ужин в компании сына и неторопливые разговоры до полуночи. Лязгнула крышка люка.

Таран влез наверх, обшаривая взглядом убежище… От дурных предчувствий закололо в затылке.

Посуда, тряпье, обломки нехитрой мебели – все валялось на полу в хаотическом беспорядке.

– Глеб?..

Сталкер пронесся по отсекам, наблюдая везде одну и ту же картину – разбросанные повсюду вещи, опрокинутые на бок двухъярусные нары, вскрытые ящики.

– Глеб!

Пацана нигде не было. В душе еще теплилась надежда, что все это – не более чем хорошо подготовленный розыгрыш, но распахнутая настежь гермодверь красноречиво говорила об обратном. Убежище обнесли, а сына… – Таран даже мысли не мог допустить, что случилось непоправимое – сын пропал.

Во рту пересохло, а лоб, наоборот, покрылся испариной. Мысль о том, что с Глебом может что-нибудь произойти, часто посещала сталкера, но он упорно гнал ее прочь. Теперь же, когда опасения все-таки стали реальностью, голова работала плохо. Сознание вязло в мешанине нахлынувших эмоций. Некое чувство, накрепко забытое в период отшельничества, теперь вернулось и мешало мыслить здраво. Таран запаниковал – впервые за долгие годы.

Растерянно оглядываясь, он вышел в тамбур. Следы взлома на гермодвери отсутствовали. Да и не такое это простое дело – железо кромсать. Неужели сын открыл дверь сам? А главное, зачем? Взгляд сталкера уткнулся в пятна крови на бетонном полу. Глебова? Сердце екнуло. Вроде не так много. Может, нос разбили чуток, да и все?

Вернувшись в убежище, он ненадолго прикрыл глаза и глубоко вдохнул. Затем вытянул шею и широко, что есть силы, открыл рот. Нехитрый прием помог сбросить напряжение и собрать мысли в кучку. Таран осмотрелся еще раз, стараясь в этот раз не упустить ни единой мелочи. Теперь в царившем хаосе обнаружилась некоторая закономерность. Загадочные посетители оказались чересчур избирательны. Оставив без внимания кофр с ухоженными, в смазке, пистолетами, они с неизвестной целью разворошили кучу старых ржавых стволов, которые сталкер использовал на запчасти для своих кустарных поделок. Оружейный шкаф оказался разграблен подчистую. «А ведь стволы-то в

шкафу, в отличие от остальных, заряжены были», – промелькнула мысль. Не погнушались грабители даже свиной поджаркой со сковороды, в то время как коллекция консервированных фруктов, которой Таран так гордился, стояла нетронутой. Выбор странный.

Чего-то не хватало… Какой-то важной детали, без которой целостная картина произошедшего никак не складывалась. Посмотрев еще раз туда, где видел Глеба в момент прощания, сталкер, наконец, вспомнил про грампластинки. Их не было.

– Да чтоб вас, твари голозадые!

Теперь все встало на свои места. И оружие, выбранное по принципу «стреляет – не стреляет», и проигнорированные фруктовые консервы, экзотического содержимого которых похитители, скорее всего, никогда не пробовали. Сталкер подошел к стене, с размаху ударил кулаком. Под проломленным листом фанеры показалась узкая ниша. Не медля, Таран вытащил из тайника дежурный АК-74, распихал по карманам комбеза магазины. Броник, разгрузка с гранатами, противогаз, нож… Вроде все. Сталкер попрыгал – нигде не звякало. Захлопнув гермодверь, собрался было двинуться прочь, когда в свете фонаря что-то блеснуло… Таран опустился на колено, рассматривая еще одно подтверждение своей догадки – грубо обтесанный кусочек винила на обрывке тонкой бечевки. Примитивный амулет огрызков.

* * *

Как-то так повелось, что все наиболее важные встречи на «Электре» назначали здесь, в местном баре с презентационным и неуместным для несведущих названием «Пентагон» Казалось бы, ничего особенного – тупиковая часть центрального зала станции и пара пилонных проемов по бокам огорожены небрежно пригнанными друг к другу листами кровли. Однако за этой, хлипкой на вид, стеной день и ночь кипели нешуточные страсти, заключались самые немыслимые сделки и в любое время суток хватало заезжих барыг и авантюристов со всего метро.

Большую часть поселенцев станции составляли бывшие заводчане Электросилы, поэтому неудивительно, что бар нарекли по аналогии с негласным названием административного корпуса того самого предприятия. Меж компактных

столиков, за долгие годы пропитавшихся стойким запахом браги, сновали с подносами неприметные официанты, вышколенные и опрятно одетые, – «Пентагон» держал марку. Длинная барная стойка тянулась вдоль дальней стены, в верхней части которой еще сохранились фрагменты станционного декора. Приглядевшись, в остатках мозаики даже можно было различить фигуру рабочего, словно подпиравшего руками своды станции, и обрывок таинственной фразы про электрификацию всей страны. Нижняя же часть стены была плотно заставлена стеллажами со спиртным на любой вкус. Среди склянок с грибными настойками и сомнительного цвета бормотухой попадались и весьма раритетные по теперешним меркам образчики довоенной водки. Гордость коллекции – бутылка пятизвездочного «Арарата» – покоилась на центральной полке-витрине, подсвеченная отдельной лампочкой. Янтарного цвета жидкость притягивала взоры, вызывая в памяти посетителей приятные воспоминания о давно минувшем времени. Теперь порция этого бесценного напитка стоила целое состояние. Возможно, поэтому бутылка коньяка оставалась нетронутой долгие годы, став изюминкой и, своего рода, символом респектабельности Пентагона.

Еще одной местной достопримечательностью являлся внушительных габаритов мутант, с недавних пор работавший в баре вышибалой. До его появления стычки и потасовки здесь случались с завидной регулярностью, благо публика встречалась разная и не всегда благодушно настроенная. Однако с появлением зеленокожего громилы с устрашающей внешностью беспорядки в заведении как-то сами собой прекратились. Любителям помахать кулаками пришлось поумерить пыл, а любые споры, как правило, заканчивались, стоило вышибале недобро покоситься на виновников шума.

Для хозяина заведения мутант оказался настоящей находкой. Патронов за работу не требовал, довольствуясь лишь бесплатными харчами и ежедневной порцией дешевого самогона. Пил всегда в гордом одиночестве, сидя у края барной стойки на сваренном из железной арматуры высоком табурете – любая другая мебель гиганта просто не выдерживала. Никогда не пьянел настолько, чтобы не справляться со своими прямыми обязанностями. Эдакий тихий небуйный выпивоха, одним только видом распугивающий потенциальных возмутителей спокойствия.

Сторонились колоритного вышибалы не только заезжие торговцы, но и завсегдатаи Пентагона. Даже официант – щуплый парнишка лет пятнадцати – встав за необъятной спиной гиганта, не рискнул тронуть его за плечо и лишь деликатно кашлянул, пытаясь привлечь внимание. Мутант сидел, облокотившись

огромными ручищами на барную стойку, и клевал носом. Потуги официанта, судя по всему, остались незамеченными. Парнишка в растерянности оглянулся, отыскав взглядом кого-то у входа и беспомощно пожимая плечами, затем собрался было окликнуть вышибалу, но тот вдруг шевельнулся, поднял голову и уставился на беднягу мутным непонимающим взглядом.

– К вам пришли… – выдавил из себя бледный от испуга официант и, неопределенно махнув рукой куда-то в сторону входа, счел за лучшее ретироваться.

Гигант сфокусировал взгляд на фигуре человека, что направлялся сейчас к стойке, лавируя между столиками. Мягкая походка, пытливый цепкий взгляд, бритая голова. Мудреный армированный комбез притягивает завистливые взгляды заезжих сталкеров. На ногах – неизменные армейские ботинки с высокими берцами.

Признав посетителя, мутант скривился. Жестяная кружка в его лапище жалобно скрипнула, сминаясь, точно бумажная. Мутная, отдающая спиртом, влага потекла по пальцам. Мутант отвернулся, со злостью швырнул комок жести в мусорное ведро.

– Здравствуй, Дым. – Таран как ни в чем не бывало уселся за стойку рядом с другом. – Разговор есть.

– Не о чем нам с тобой говорить. – Мутант надолго приложился к бутылке, шумно глотая.

Сталкер, по всей видимости, на другую реакцию и не рассчитывал. Кивнув бармену, указал на стеллаж:

– Ну-ка, брат, накапай нам по сто пятьдесят коньячку.

Бармен застыл с удивлением на лице, однако, увидев, как на стойку шлепнулась упаковка пенициллина, вмиг оттаял, подобрался. Широко улыбнувшись щедрому клиенту, неуловимым движением прибрал со столешницы драгоценные ампулы и полез на стеллаж, за «Араратом».

Публика за ближайшими столиками притихла. Уж больно интересный намечался разговор. О сидевших возле барной стойки сталкерах и истории с сектой каннибалов не слышал только глухой. Вернувшись живыми из гибельной вылазки в Кронштадт, эти двое устроили настоящую охоту за лжепророками «Исхода», истребив всех до единого. Последнего, кстати, выследил двенадцатилетний пацан – приемный сын Тарана. Однако сегодня, по непонятной причине, сталкер явился один.

А вот после памятных событий между именитым наемником и зеленокожим гигантом словно кошка пробежала. Разошлись, как в море корабли. О причинах подобного поведения известно было далеко не всем. Поговаривали, что-то там, в Приморском альянсе, случилось. Но приморские – ребята серьезные и секреты свои хранят крепко, не чешут языками на каждом углу.

Заказ наемника, тем временем, уже красовался на стойке. Ради такого случая официант расстарался, разлив янтарную жидкость по двум невесть откуда взявшимся коньячным бокалам.

– Твое здоровье, Гена.

Сталкер вдохнул дурманящий запах напитка и осушил бокал залпом. Мутант тост проигнорировал, продолжая мрачно таращиться на ровные ряды бутылок впереди. Таран нахмурился. Желваки на его лице заходили ходуном.

– Мне нужна твоя помощь. Один я не справлюсь.

– Помощь? – Дым повернулся к собеседнику. – После всего, что произошло, ты смеешь просить о помощи?!

Мутант смахнул бокал со столешницы. Звон стекла громом прокатился по бару, привлекая всеобщее внимание. Драгоценная жидкость растеклась по полу неприглядным пятном. В свете мерцающих ламп забликовали сотни мельчайших осколков, словно кусочки разбитой вдребезги дружбы.

– Да, Гена. Именно после того, что произошло.

Вскочив с табурета, мутант навис над наемником, обличительно ткнув в него указательным пальцем.

– По твоей милости я гнию теперь в этой забытой богом дыре! Если б не ты…

– …твоя голова сейчас красовалась бы на колу, прямо посреди Гостиного Двора!

– Да как ты не понимаешь, что лучше лишиться башки, чем быть отбросом на задворках! Вся моя репутация полетела к чертям! И дорога назад, в Альянс, теперь заказана! Из-за тебя, Таран, слышишь? Из-за тебя!

Время, казалось, замерло на месте. Человек и мутант сверлили друг друга злыми взглядами, застыв, подобно каменным изваяниям. Бармен уполз куда-то под стойку, посетители глазели на происходящее, позабыв про выпивку.

Таран смотрел на разъяренного Геннадия, отмечая, как сдал тот с момента их последней встречи. Опухшая от длительных попоек физиономия, заметный тремор рук… Конечно, это был все тот же рубаха-парень – огромный, неимоверно сильный телом и духом. И в то же время – какой-то другой, чужой, с непривычно тяжелым взглядом, сочащимся тоской. А ведь прошло-то всего несколько недель с того злополучного дня, когда…

Перед мысленным взором сталкера, одна за другой пронеслись услужливо подкинутые памятью сцены из недавнего прошлого. Вот туннельный мрак сменяется отсветами разбитого недалеко от входа на станцию костра. Вот суетливый посыльный ожидает Тарана на КПП. Говорит что-то сбивчиво, торопится, тащит сталкера за собой, сквозь деловую суету «Невского»[16 - Станция метро Невский проспект.]. Вот остался позади застроенный жилыми клетушками переход на «Гостинку»[17 - Станция метро Гостиный Двор.], открывая взору душную от скопления народа станцию.

Нереальный свет множества ламп заливал платформу. В тот день руководство Альянса не скупилось на освещение. Причина подобной расточительности оказалась весьма неординарной – показательный суд. Впереди уже виднелся наскоро сколоченный помост эшафота. Продравшись сквозь толпу зевак, Таран наконец увидел Дыма, закованного в громоздкие кандалы. Возвышаясь над окружающими, мутант стоял под конвоем вооруженной охраны и кидал свирепые взгляды на седовласого человека в заношенном, с заплатками на

локтях, пиджаке. То и дело сверяясь с кипой каких-то бумажек, судья вещал с импровизированной трибуны неприятным лающим голосом. Половины слов сталкер разобрать не мог – зрители вокруг слишком увлеченно обсуждали детали предстоящей казни. В подобном исходе судилища никто не сомневался, так как с легкой руки недоброжелателей дело получило слишком широкую огласку. А спустить на тормозах дело, если в нем замешан мутант, не представлялось возможным в принципе.

Мутации среди населения встречались – изгаженная радиацией природа брала свое. Но, к сожалению, далеко не все были довольны необычным соседством с «дефектными». Нашлись злопыхатели, постаравшиеся раздуть скандал. Причина оказалась банально простой. Истребляя каннибалов «Исхода», Геннадий нарушил один из главных законов Приморского альянса. Словно в подтверждение собственным мыслям, Таран услышал, как судья выкрикнул:

– Мутант не имеет права поднимать руку на человека! Этот закон действует на всей территории Альянса, и никто его пока не отменял! Несмотря на прежние заслуги, подсудимый преступил закон и должен понести наказание…

Дальше терпеть этот абсурд сталкер не желал. Вскочив на помост, взял слово. Ему не препятствовали – никому тогда не хватило смелости заткнуть рот герою. Однако выступать в защиту Дыма Таран счел бесполезной затеей. Понимание этого пришло сразу, стоило только взглянуть на судью и его окружение. Слишком уж цеплялись они за каждую букву закона, да и вопрос обсуждался принципиальный. Пренебречь законом хоть раз означало подорвать авторитет власти Альянса. А в свете угрозы со стороны Империи Веган это было недопустимо…

От слов, сказанных тогда, в душе надолго застрял камень. Но другого выхода сталкер не видел. Собрав всю свою выдержку и стараясь не встречаться с Геннадием взглядом, он произнес неожиданную для многих речь, отозвавшись о подсудимом как о низшем существе, грязном мутанте, недостойном даже того, чтобы кровь выродка оскверняла плиты станции. Говорил Таран долго, зло, и, судя по реакции толпы, весьма убедительно. Слушатели, в конце концов, заразились его искусно сыгранным отвращением. Судья вынужден был пойти на поводу у большинства…

Геннадия выдворили со станции, запретив появляться на территории Альянса, а Таран… Таран так и не смог поговорить с другом. Мутант избегал встреч.

Слишком тяжким бременем оказался для него позор изгнания. Поскитавшись по периферийным станциям, Дым осел на «Электре». С тех пор наемник обходил Пентагон стороной, оставив обидчивого мутанта в покое… Но теперь пришло время выяснить отношения.

И теперь, глядя на Дыма, сталкер вдруг осознал, что время не всегда лечит. А в данном случае все только усложнилось. Объяснить, помириться можно было тогда – а теперь нанесенную им Дыму рану так просто не залечить – все это время она гноилась.

– Ты должен меня выслушать!

– Видеть тебя не желаю.

Мутант уселся обратно на свой пьедестал возле барной стойки, демонстративно отвернувшись.

– Ты меня выслушаешь.

– Вали отсюда. – Дым откупорил очередную бутылку сивухи.

Таран с раздражением посмотрел на часы. В сложившихся обстоятельствах тратить время на уговоры было непозволительной роскошью.

– Дым!

Мутант не реагировал.

Из-под стойки показался бармен. Нервно улыбаясь, он рискнул-таки вмешаться:

– Оставил бы ты нашего здоровяка в покое, сталкер. Если, конечно, не боишься стать его клиентом. Как-никак, он на работе и…

Таран не дослушал. Схватив с ближайшего стола глиняную пепельницу, он швырнул ее в стеллаж. Бутылки с грохотом попадали на пол. Бармен всплеснул руками и вновь исчез за стойкой. Дым подскочил как ужаленный, сжимая пудовые кулаки в бессильной злобе. И все-таки что-то мешало ему кинуться на

бывшего друга.

– Я не уйду, пока ты меня не выслушаешь. Или разнесу эту шаражку ко всем чертям!

Сталкер продолжал давить, понимая, что мирного диалога все равно не получится. А раз так…

– Давай, громила, не стесняйся! Отрабатывай свою пайку! А что, работа интересная, с людьми. Ошейник не жмет?

Дыма наконец проняло. Коротко, без замаха, он выбросил вперед огромную кувалду-руку. Сталкер лишь отклонился слегка, ударив вразрез. Мутант осекся, ощутив на разбитой губе солоноватый привкус крови. Моментально вскипев, зарычал и пошел напролом, обрушивая на обидчика беспорядочные удары один за другим. Посетители порскнули в стороны, опрокидывая стулья. Бар загудел, глаза завсегдатаев заблестели азартом.

Суматошная атака Дыма не принесла ощутимых результатов. Таран рефлекторно выбрасывал блоки, «качал маятник». Большую часть страшных ударов удалось отвести. Остальные лишь вспарывали воздух в опасной близости от наемника – тот двигался слишком быстро. Нырнув под руку Дыма, Таран сместился вбок и достал соперника длинным кроссом. Мутант, казалось даже не почувствовал очередной зуботычины и, поддев ближайший стол ногой, запустил в соперника. Наемник шарахнулся в сторону. Столешница просвистела в паре сантиметров от головы. Чудом избежав столкновения, Таран уже не успел среагировать, когда кулак Дыма угодил-таки в живот. Сталкер сложился пополам, нижние ребра отозвались вспышкой боли. Сметая с пути мебель, он безвольным кулем отлетел к стене.

Грохот посуды и разухабистый мат привлекли внимание новых посетителей. У входа в бар образовалась давка. Каждый жаждал посмотреть на Дыма за работой, а заодно и увидеть безумца, рискнувшего связаться с живой машиной смерти. Поигрывая гигантскими мышцами, мутант медленно приближался к Тарану. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

Сталкер выполз из-под обломков, рывком встал на четвереньки, пытаясь продышаться.

– Пшел вон! – рявкнул Дым.

– Хрена с два я от тебя отстану! – прохрипел Таран и взвился в воздух, воткнувшись в соперника всей своей массой.

Гигант, потеряв равновесие, рухнул на спину. Перед глазами Тарана мелькнула его свирепая физиономия. Извернувшись, сталкер впечатал армейский ботинок в зеленую скулу и откатился назад.

– И все-таки ты меня выслу…

Сводчатый потолок и станционные плиты закружились перед глазами бешеным калейдоскопом. Таран так и не понял, как пропустил следующий удар. В голове зашумело, к горлу подкатила тошнота. Звуки разом отдалились, картинка начала меркнуть. Но упрямство и отчаяние заставили его кинуть тело в новую атаку. Выброшенный наугад хук достиг цели. Под кулаком что-то неприятно чавкнуло. «Нос», – злорадно подумал сталкер и растянул рот в кровавой улыбке. Рефлекторно убрав голову, ощутил затылком ветерок – Дым снова промазал – и прыгнул вперед. Мутант взревел, распрямившись в полный рост. Сталкер висел на его шее, сцепив кисти в замок. Дым завертелся волчком, размахивая ручищами. Наконец ему удалось содрать сталкера с холки, но тот не сдавался, захватив ногами шею и руку гиганта. Зафиксировав «треугольник», Таран захрипел от натуги. Сдавить сонную артерию сквозь узлы могучих шейных мышц мутанта – дело не из легких. Какое-то время сталкеру даже казалось, что удушающий сработает. Геннадий дернулся раз, другой, а потом вдруг поднял Тарана в воздух и шваркнул спиной об пол. Еще раз. Сталкер обессиленно откатился, размазывая кровь по лицу и надсадно кашляя.

И все же мутанту, что ни говори, тоже досталось. Он шатался, придерживаясь за стену, и смотрел на бывшего друга исподлобья, даже не пытаясь остановить кровь, капавшую на пол из разбитой переносицы.

– Нам не о чем говорить, Таран. – Дым проковылял к своему табурету, не пытаясь более наброситься на обидчика. Его гнев улетучился, в мозгах понемногу прояснялось.

Наемник, морщась, поднялся на ноги. С минуту сверлил затылок Геннадия тяжелым взглядом, надеясь, что, выпустив пар, мутант все же образумится. Тщетно…

Таран двинулся к выходу. В последний момент остановился, произнес спокойно, без эмоций:

– Мне нужна твоя помощь. Глеб пропал.

Казалось, еще мгновение, и Дым откликнется, услышав тревожную весть. Вскочит с табурета, начнет выспрашивать, что да как… Но тот упрямо молчал. Секунды истекали одна за другой, и все оставалось по-прежнему. Сталкер ожидал от друга чего угодно, только не подобного равнодушия. Развернувшись, он зашагал прочь. Ничего не оставалось, кроме как идти в логово огрызков в одиночку…

Геннадий бездумно смотрел в одну точку, пытаясь успокоить расшатанные нервы. Прощальных слов сталкера он не разобрал – сказались последствия полученной на дамбе контузии. Впрочем, оно и не важно. Пускай сам копошится со своими проблемами. Не ребенок, поди.

Про Глеба Дым в тот момент как-то и не вспомнил…

Глава 4

Огрызки

В большинстве своем сталкеры – народ суеверный, и пенять им на это глупо. Не секрет, что постоянный риск со временем меняет человека: его поведение, привычки, взгляды на жизнь. И тем больше стремление выжить, чем чаще человек подвергается опасности. Сталкеры – не исключение. У каждого третьего свой собственный свод правил и порою надуманных, но строго соблюдаемых ритуалов, чтобы приманить удачу. Каждый второй таскает с собой в рейды какой-нибудь талисман. И, само собой, у каждого, без исключений, своя стратегия пребывания на поверхности, свои, свойственные ему одному,

«фишки».

Таран суевериями не страдал, будучи твердо убежденным, что удача – штука неподконтрольная и полагаться лучше на собственные силы и смекалку. Правда, появилась у него с годами одна традиция, которой он никогда не изменял. Сложно назвать это ритуалом, скорее, просто некая обязательная процедура при каждой вылазке наружу. У выхода из наполовину обвалившегося подземного перехода Московской он остановился на несколько минут, как делал это сотни раз до этого. Замер, осматриваясь, впитывая звуки и шорохи, сам ритм жизни наземного мира. Так ловцы жемчуга привыкают к ощущению воды перед тем, как уйти на глубину в поисках драгоценного содержимого морских раковин. Хотя нет. Привыкали. В памяти сталкера всплыли фрагменты увиденной много лет назад телепередачи про океан и его богатства. Казалось, это было в другой жизни. Прорва времени прошла с тех пор, когда побережье океана считалось живописным и желанным местом курортного отдыха. Теперь же радиационный фон, жуткие обитатели глубин и прочие «прелести» изгаженного мира сделали сушу и воду непригодными для обитания человека. Иная экосистема. Чуждая. И с ней лучше держать ухо востро.

Снявшись с места, Таран двинулся рысцой по Московскому проспекту. Впрочем, проспектом это место можно было назвать лишь по привычке, в память о днях минувших. Сейчас он скорее походил на каньон с пологими стенами из груд бетона, кирпича и обломков стеновых панелей. Из завалов торчали, подобно обломкам сгнивших зубов, полуразвалившиеся каркасы зданий. Осталась позади наполовину вросшая в землю буква «М» – единственное напоминание о прежнем «Макдоналдсе». Таран вспомнил, с каким презрением обходил стороной «американосовский фастфуд» до Катастрофы. Сейчас от гамбургера, да с картошечкой фри, он бы не отказался… Рот моментально наполнился слюной.

Впереди раздался шорох. Сталкер выругался, отбросив мысли о еде. Терять бдительность в рейде нельзя. Даже в таком коротком, как этот. Казалось бы, до площади Победы – рукой подать. Каких-то пятьсот метров. Но и здесь не обошлось без нежданных встреч. В проулке какая-то зверюга сосредоточенно раскапывала кучу мусора, выставив напоказ пухлые бока с лоснящейся густой шерстью. Ошметки мха и камни так и разлетались по сторонам. Мутант настолько увлеченно ковырялся в земле, что и не заметил чужака. Затем ощутил-таки пристальный взгляд, повернул к сталкеру чумазое клыкастое рыло и тихо зарычал.

Угрозы в поведении зверя Таран не почувствовал. Скорее, предупреждение: мол, иди своей дорогой, не мешай. Тварь косилась на сталкера до тех пор, пока тот не скрылся за углом здания. Судя по всему, имела уже счастье повстречать этих странных двуногих с вытянутыми лупоглазыми мордами.

Огибая завалы и озираясь на черные зевы оконных проемов, сталкер неумолимо приближался к логову огрызков. По бокам уже высились две источенных ветром высотки, называемые дикарями не иначе, как «рога дьявола», – своеобразные ворота в преисподнюю. Таран ухмыльнулся, вспоминая, с каким пафосом эти оборванцы рассказывали про свою колонию.

Откуда они взялись – грязные, опустившиеся, полудикие, с весьма ограниченным запасом слов, чаще прибегающие к жестам, нежели к человеческой речи, – и почему до сих пор еще не повымирали, для наемника оставалось загадкой. В метро огрызки спускались редко. Чаще рыскали по поверхности и канализационным системам в поисках того, что еще можно было сторговать жителям подземки. Сплошь уроды, каких свет не видывал, хотя оно и понятно: радиация, помноженная на малочисленность колонии. Кровосмешение никогда не шло ограниченным популяциям на пользу. Хотя ходят слухи, что отчаявшиеся и уставшие от подземной жизни люди в конце концов примыкают к огрызкам, а сами они с удовольствием скупают детей у обнищавших «метрожителей», чтобы хоть как-то оттянуть неизбежное вырождение племени.

Для своего житья-бытья дикари облюбовали мемориал защитникам Ленинграда в центре площади Победы и «Памятный зал» – подземный музей, расположенный под площадью. Чем ближе Таран подходил к комплексу, тем гротескнее становилась открывшаяся взору конструкция. Когда-то мемориал представлял собой внушительных размеров кольцо, спустившись внутрь которого можно было попасть к центральной скульптурной группе и вечному огню. Теперь же внешняя радиальная стена более походила на крепостную. Через равные промежутки вдоль кромки кольца красовались грубо слепленные сторожевые башенки, а по всему периметру стену опоясывал частокол арматурных прутьев, утопавших в зарослях колючей проволоки. Оба широких прохода, позволявших когда-то беспрепятственно попасть внутрь периметра, теперь преграждали баррикады, сооруженные из всевозможного подручного хлама, среди которого попадались даже ржавые остовы автобусов и многотонные кузова грузовиков. Дабы защитить периметр импровизированной крепости от атак летающих хищников, огрызки возвели над мемориалом настоящий купол из содранных с ближайших крыш кусков кровли и все той же

«колючки» – откуда только понабрали столько…

Выбор места обитания племени показался бы странным, если б не подземный музей, внутри которого вполне могла расположиться колония небольших размеров. «Памятный зал», сооруженный метрах в шести под землей, сталкеру довелось посетить всего пару раз, причем в юношестве. К сожалению, связанные с экскурсиями воспоминания были слишком размытыми, чтобы полагаться на них в текущей миссии. Осталось лишь ни с чем не сравнимое ощущение немого восторга от схождения по лестнице вдоль бронзового фриза с рядом светильников-гильз и благоговение перед мрачным величием просторного, одетого в мрамор зала. Теперь же впечатления предстояло освежить.

Силовой метод решения проблемы наемник отмел сразу, как только получил от Дыма от ворот поворот. Не стоило даже и пытаться противостоять племени в одиночку. Таран решил идти напрямик, надеясь на мирный разговор. Ведь прежде ему не раз приходилось иметь дело с чудаковатыми обитателями мемориала, и всегда они умели договориться. Что случилось сегодня и почему огрызки повели себя столь вероломно и нагло – только предстояло выяснить.

Остановившись на почтительном расстоянии от стены, сталкер снял с плеча автомат и отставил руку с оружием далеко в сторону, демонстрируя мирные намерения. Поначалу ничего не происходило. Все так же завывал пронизывающий ветер, и этот неутихающий гул оставался единственным звуком, нарушающим тишину. Озираясь по сторонам, Таран заметил на окраине руин Московского универмага знакомый силуэт – косматый «кладоискатель» все-таки заинтересовался персоной сталкера, оставив прежнее безнадежное занятие. Припав к земле, зверь усердно водил рылом из стороны в сторону, пытаясь на нюх определить, насколько съедобен двуногий, пересекший его охотничью тропу.

Не добавляло спокойствия и опасное соседство крепости огрызков с печально известными Южными болотами, окраина которых виднелась невдалеке. Дикая, нехоженая местность, затянутая дымкой испарений, простиралась далеко на юг, до самых Пулковских высот. Об этом гиблом месте ходило множество слухов. Говорили, именно отсюда забредают в покинутый город самые жуткие твари. А непроходимые топи и фонящая земля напрочь отбивали у сталкеров желание разведать южные пригороды.

Впереди что-то лязгнуло. Как ни силился наемник разглядеть незримых наблюдателей в узких бойницах стены, в предрассветной мгле это было невозможно. Но вот в казавшейся монолитной баррикаде отворилась неприметная дверца, из-за которой показался чумазый огрызок в набедренной повязке и новехоньких кроссовках, правда – на босу ногу. Где только достал, прохвост… Поманив наемника за собой, дикарь поспешил скрыться внутри.

За стеной взору сталкера открылось довольно обширное пространство, сплошь уставленное деревянными подпорками, что поддерживали конструкцию рукотворного купола. Вдоль радиальной стены чадили редкие факелы, в свете которых Таран разглядел груды всевозможной утвари, собранной огрызками со всей округи. Чего здесь только не было: кирпич, шифер, железо, древесина, топоры и кирки, буржуйки и мангалы, рюкзаки с палатками… Все это в скором времени так или иначе перекочует в подземку, для обустройства новых жизненных пространств.

Проходя мимо штабелей с железным прокатом, сталкер покосился на тревожно защелкавший дозиметр. Дикарей, похоже, подобные мелочи не особо волновали. Огрызок в кроссовках вел наемника все дальше, к входу в музей. Редкие обитатели мемориала, попадавшиеся на пути, провожали визитера долгими любопытствующими взглядами, от которых становилось не по себе. Никогда не знаешь, что на уме у этих доходяг…

Загаженный нечистотами и мусором, с закопченными от дыма факелов стенами, спуск в логово огрызков совсем не походил на широкие и длинные гротескно-торжественные лестничные марши из юношеских воспоминаний Тарана или просторные, отделанные мрамором и диабазом вестибюли из верениц ступеней, что вели в чертоги «Памятного зала». Как ни пытался сталкер настроиться на неизбежные изменения в облике подземного музея, представшее зрелище повергло его в шок. Мозаичные панно, флаги вдоль стен, гранитные витрины с экспонатами – все осталось в прошлом. Просторное помещение с размещенной внутри экспозицией превратилось в хлев. Наст из подгнившей соломы на полу, кучи тряпья вдоль стен, жаровни с развалами обглоданных костей вокруг и десятки копошащихся немытых тел. Для полноты картины не хватало только стянуть противогаз, чтобы ощутить… Смрадный запах пробился через фильтры быстрее, чем сталкер об этом подумал. Поморщившись, он снял-таки маску: не стоило проявлять открытое неуважение к вождю. Таран до последнего был уверен, что все случившееся – не более чем недоразумение и вопрос разрешится в ближайшие минуты. В конце концов, огрызки, хоть и выглядят опустившимися,

гораздо цивилизованнее тех же людоедов «Исхода», да и промышляют торговлей, но никак не каннибализмом.

Минуя спящих вповалку дикарей, он направился к расположенной в стене вместительной нише. За небрежно сшитым из шкур пологом обосновался глава колонии, смуглый парень лет двадцати с лохматыми длинными космами, практически целиком скрывавшими лицо. Несмотря на внешность, Тарану он всегда казался весьма толковым малым, особо выделяясь на фоне соплеменников деловой хваткой и умением вполне сносно изъясняться на нормальном человеческом языке. Этот тип предпочитал помалкивать о том, как появился в племени. Да сталкер особо и не допытывался – не его это дело. Главное, что друг с другом они ладили, и потому жилище Тарана огрызки всегда обходили стороной. До последнего времени, по крайней мере. Кроме того, с легкой руки сталкера глава племени обзавелся звучным прозвищем. Еще в первую их встречу наемник в шутку назвал вождя индейцем – слишком уж подходил тот со своей прической и нетипичным цветом лица под образ из старинных вестернов. Главе племени звучное слово понравилось, и с тех пор он наказал всем величать себя исключительно так.

У входа в апартаменты сталкера остановили двое громил с копьями, требовательно указывая на автомат в руках. Разоружившись, Таран ступил внутрь. Под ногами оказался поблекший от времени ковер, весь в жирных пятнах. Вдоль стен грудами высились горы всевозможного скарба, натасканного сюда, по всей видимости, с одной целью – продемонстрировать благосостояние племени. Иного применения всей этой неработающей рухляди просто невозможно было представить. С интересом оглянувшись, Таран заметил совсем уж неуместные здесь образчики машинерии – принтер, микроскоп, осциллограф…

Тем временем парень, восседавший у дальней стены, нетерпеливо заерзал, пытаясь привлечь внимание наемника. Брови Тарана поползли вверх: в качестве трона вождь использовал просиженное за долгие годы массажное кресло – точь-в-точь такие же стояли в довоенное время в торговых центрах для релаксации уставших от шопинга посетителей. Откинув с лица нечесаные патлы, Индеец явил миру свой царственный лик: длинный нос, полубезумный бегающий взгляд и плотно сжатые губы.

– Зачем здесь? – Вождь сегодня был немногословен.

– Ты знаешь, – в той же манере ответил сталкер. – Где мой сын?

– Не понимаю, о чем…

К подножию трона упал найденный Тараном амулет. Вождь замер, подавившись заготовленной репликой, и теперь растерянно смотрел то на улику, то на визитера.

– Послушай, Индеец, мы ведь с тобой не первый день знакомы. – Сталкер сверлил огрызка пристальным тяжелым взглядом. – В какие игры ты тут играешь? Зачем послал людей в мой дом?

Вождь некоторое время молчал, нервно покусывая губу, затем еле заметно кивнул воинам, стоявшим сзади. Тотчас несколько громил выкрутили Тарану руки, поставив его на колени.

– Ты хороший воин, но глупый. Зачем ходил за Большую Воду и разбудил богов?! – выкрикнул Индеец, поднявшись с трона. – Мы видели их гнев! Огненный цветок расцвел на горизонте. Такой же, как тогда, в день конца мира. Огненные цветы – плохо! Боги требуют жертву – племя даст жертву!

– Что за чушь?! Какие, к чертям, боги?! Кто-то устроил взрыв, понимаешь ты, дурья башка! При чем здесь…

– Увести! – отмахнулся вождь. – Извини, наемник, но боги отвернулись от нас, и чтобы вернуть их милость…

Конец фразы Таран не расслышал – его потащили к выходу и дальше, в центр зала. Туда, где во времена работы музея располагалась массивная горизонтальная плита с рельефной картой-схемой «Героическая битва за Ленинград». Теперь же, судя по многочисленным бурым потекам и россыпи собачьих и крысиных черепов, инсталляцию использовали в качестве жертвенного алтаря.

Связанного по рукам сталкера бросили на отделанную бронзой поверхность плиты. Обитатели музея, перешептываясь, стали собираться вокруг в ожидании предстоящего действа. Чумазые дети огрызков, подобравшись вплотную,

затеяли нехитрую игру: поочередно подкрадывались к рослому пленнику в необычном облачении, прикасались к армированной ткани комбеза и с визгом отскакивали, храбрясь и пугаясь одновременно.

Что ж… Подобное развитие событий хоть и являлось маловероятным, но Таран был к нему готов. Пользуясь суматохой, он плавно сместил за спиной связанные руки, сдвинул поясную петлю и обнажил острое, как бритва, лезвие, вмонтированное прямо в кожу широкого ремня. Рассечь измочаленные, полусгнившие веревки не составило труда. Оставалось дождаться вождя. Очень уж не терпелось наемнику поговорить с этим двуличным типом по душам.

Индеец появился в церемониальной одежде. На голове – разукрашенный череп волколака, на плечах – нелепая мантия из какой-то тряпки леопардовой расцветки. Приглядевшись, Таран с удивлением признал в куске материи занавеску – по краям виднелись крепежные петли. В руке огрызка блеснул металл. В качестве жертвенного ножа здесь использовали самурайский танто. Не настоящий, конечно, обычную сувенирную поделку с аляповато оформленной рукоятью, коих до Катастрофы наклепали без меры, заполонив все оружейные магазины. Однако, судя по возбужденным выкрикам огрызков, эта кривая имитация использовалась далеко не первый раз и для предстоящего ритуала вполне годилась.

Как и предполагал наемник, Индеец затянул пространную речь о проснувшихся богах, предвестниках очередного судного дня и возмутителях спокойствия, посмевших вторгнуться в запретные территории за Большой Водой. Стандартный набор нелепых суеверий. Странно было слышать подобную чушь из уст вполне вменяемого человека. Скорее всего, вождь просто «включил дурку», не желая изъясняться адекватно при соплеменниках. Значит, придется потолковать с парнем наедине…

Дикари ловили каждое слово своего правителя, подвывая и вскидывая вверх худые, испещренные узорами татуировок руки. И все же сталкер до последнего не мог поверить, что огрызки готовы принести в жертву человека. Пусть чужака, пусть объект нелепых обвинений, но все же – человека. К сожалению, прежнее мнение об этих оборванцах оказалось ошибочным. Теперь Таран видел перед собой не племя, а всего лишь кучку жалких деградантов.

Сменяя затихшего вожака, загремели там-тамы – внушительных размеров колесные диски, перетянутые лоскутами кожи на треногах по углам зала.

Раскрасневшиеся амбалы самозабвенно лупили по ним невесть откуда взявшимися бейсбольными битами. Обитатели музея задвигались, подстраиваясь под ломаный ритм. К алтарю подтягивались все новые зрители.

Пора было заканчивать этот балаган. Для задуманного требовался подходящий момент, и он не заставил себя ждать. Потрясая зажатым в руке ножом, ряженый вождь навис над алтарем. Однако Таран не шелохнулся.

– Подумай еще раз, огрызок, ту ли сторону занял? – Сталкер говорил вполголоса, пока Индеец выписывал загадочные пассы руками над его телом. – Ведь ты не настолько глуп, как хочешь казаться. Стоит ли идти на поводу у толпы?

Но тот продолжал колдовать над алтарем, не реагируя на уговоры. Огрызки в исступлении покачивались в такт завораживающему грохоту барабанов. Глаза дикарей горели адским огнем, а на обезображенных лицах расплывались зловещие улыбки. Ритуал приближался к апогею.

– Ладно, парень. Ты сделал свой выбор. Теперь не жалуйся…

Индеец не успел отреагировать на странные слова «жертвы».

Казалось, только что нож был в его руке, но уже мгновение спустя непостижимым образом перекочевал к пленнику. Вождь не почувствовал ни удара, ни толчка, лишь увидел, как подвернулась кисть. Казалось, нож сам выпал из ослабевшей разом руки. Бедолага растерянно моргал, уставившись на опустевшую ладонь, и лишь секундой позже в запястье неприятно заныло. Еще мгновение, и земля ушла у него из-под ног. Срубив парня простыми, но эффективными «ножницами», Таран уселся на него сверху, выкрутив руку, и приставил к горлу отобранный танто.

– Стоять всем! Ни с места, кому сказал!!!

Барабаны, как по команде, смолкли. Огрызки таращились на поверженного вождя и скрежетали зубами от бессилия, бестолково переминаясь вокруг алтаря.

– Пусть вернут стволы. Ну?! – Сталкер надавил сильнее, и Индеец взвыл от боли, часто закивав кому-то в толпе.

Минуты не прошло, как к подножию алтаря упал автомат Тарана. Следом – разгрузка, рюкзак и прочая мелочовка. Не мешкая, наемник поднял вождя на ноги, подхватил с пола «калаш». Лязгнул затвор.

– Шмотье подбери.

Спавший с лица Индеец сгреб в охапку пожитки сталкера и вздрогнул, ощутив, как в затылок уткнулось холодное дуло автомата.

– Теперь к выходу. Дернешься – пристрелю на хрен.

Толпа нехотя расступалась, пропуская наглого гостя из подземки и его заложника. Всклокоченные дикарки шипели и скалили зубы, воины стискивали побелевшими пальцами древки копий. Среди топоров и ножей мелькнули примитивные арбалеты. У выхода из зала дорогу преградил один из телохранителей вождя – здоровенный детина с внушительным брюхом. Поигрывая тесаком, огрызок приглашал сталкера сразиться один на один. Таран скривился – везло ему последнее время на крупных парней. Ребра еще ныли после «разговора» с Дымом, а тут еще один «собеседник» нарисовался.

Не поддаваясь на провокации, наемник резко пнул здоровяка ногой. Огрызок сложился, схватившись за пах. Удар прикладом по затылку отправил ретивого выскочку в глубокий нокаут. Только так, жестко, грубо и нагло. Сломить морально, пресечь на корню любое сопротивление. Прессовать, не останавливаясь, пока не опомнились. Перешагнув через безвольное тело, Таран гаркнул на ближайших воинов. Те в смятении подались назад. Когда странная процессия покинула зал, огрызки, наконец, стряхнули оцепенение, зашумели. Самые ретивые выскочили в вестибюль вслед за беглецами.

– Шевели поршнями! Живо! – Таран подгонял заложника грубыми тычками, понимая, что терпение огрызков на исходе.

Словно в подтверждение совсем рядом просвистел арбалетный болт, отскочив от мраморной стены. Еще один чиркнул по ботинку. Сталкер толкнул вождя на ступеньки и дал по преследователям короткую очередь. Огрызки поспешили

укрыться в зале.

– Чего разлегся! Пшел, говорю!

Они припустили дальше. Впереди уже маячил желанный выход в крепостной двор, когда с верхних ступеней залаяли автоматы. Снова пришлось падать мордой в пол. К счастью, огрызки, выскочившие из-за боковой двери, оказались завидными тугодумами, откинув разряженные стволы, как нечто бесполезное. То ли не понимали, что огнестрельное оружие можно перезаряжать, то ли запасных магазинов не имели… Вообще огрызки и автоматы как-то не вязались между собой. По крайней мере, раньше «гремящих палок» дикари сторонились. Похоже, времена меняются…

Таран пальнул для острастки, мельком глянув на вождя. Скорчившись на ступенях, Индеец держался за простреленное плечо. Из-под пальцев струилась кровь. Все-таки старания дикарей не прошли даром – хоть своего, но зацепили. Тем временем ситуация складывалась не из приятных: огрызки обложили оба конца вестибюля и раззадорились настолько, что присутствие главы племени в зоне перекрестного огня их уже не останавливало. В любой момент шальная стрела могла положить конец всем начинаниям. Время для игр закончилось.

Ухнул подствольник. Граната, прочертив дымный след, ушла вниз, к Памятному залу. Сквозь грохот взрыва донеслись крики посеченных осколками дикарей. Развернувшись, сталкер принялся бить одиночными по ногам огрызков, наседавших сверху. Двое упали, подкошенные точными выстрелами, еще один метнулся наружу, во внутренний двор.

Не мешкая, Таран потащил заложника вперед. Индеец спотыкался на каждом шагу, так что приходилось поддерживать его свободной рукой. Снаружи послышались воинственные крики – дикари готовили беглецу теплый прием. Следуя интуиции, наемник втолкнул шатающегося вождя в боковой проход, захлопнув за собой дверь. Узкий коридор погрузился во мрак. Сталкер включил фонарь, осматриваясь. В паре метров от них вдоль стены тянулись, исчезая в полу, узкие вертикальные трубы. То, что надо. Ударив по ветхой конструкции ногой, сталкер выломал обрезок покрупнее и подпер дверь, а потом, не дожидаясь погони, потянул заложника вглубь подсобных помещений. Логика подсказывала, что мемориал, как и любое крупное подземное сооружение, оборудован вентшахтами, водоотводами и техническими туннелями и, по идее, должен сообщаться с канализационным коллектором.

Железная трап-лестница, уводящая куда-то вниз, в дебри дренажной системы, отыскалась довольно быстро. Судя по стертой до металла краске на ступенях, этой дорогой пользовались довольно часто. Уронив огрызка возле шершавой бетонной стены, Таран достал пистолет.

– Где мой сын?!

Индеец затравленно смотрел на дуло «Грача». По его мантии стремительно расползалось бурое пятно – не хватало еще, чтоб парень загнулся раньше времени от потери крови. Огрызок собрался было что-то сказать, сглотнул пересохшим горлом и вдруг «поплыл», безвольно уронив голову на грудь.

– Да чтоб тебя…

Рюкзак полетел на пол. В руках сталкера появилась аптечка. На то, чтобы осмотреть и обработать рану, ушло несколько драгоценных минут. Сквозная… Кости, сухожилия – все цело. Повезло парню. Накладывать повязку было некогда. Наскоро замотав марлевый тампон изолентой, Таран прислушивался к возне в коридоре – огрызки ломали дверь. Времени оставалось в обрез. Укол стимулятора и несколько пощечин привели раненого в чувство.

– Это ты сделал? – ощупав обработанную рану, Индеец с удивлением посмотрел на сталкера. – Спасибо… Я… Знаешь, Таран… Не хотел я, чтоб вот так все глупо…

– Мне повторить вопрос?

– Да, да, я скажу. – Парень поморщился, баюкая раненную руку. – Я вынужден был… Племя напугано взрывом, ищет виновных… Что мне оставалось делать?

– Где Глеб?!

– Я не знаю… – Индеец пребывал в растерянности, если не сказать в смятении. – Честно, не знаю! Я послал за ним еще вчера. Отряд так и не вернулся.

Заметив на себе колючий пристальный взгляд наемника, поспешил продолжить:

– Но могу показать маршрут. Сейчас, погоди.

Наклонившись, вождь принялся водить пальцем по пыльному полу и довольно споро набросал схему коллектора. К тому моменту, как в коридоре послышались голоса преследователей, наемник уже знал, где искать дальше.

– Молись, чтобы с Глебом ничего не случилось. Иначе я вернусь за тобой. – Похватав вещи, он полез вниз по лестнице.

– Ты… не держи зла, Таран, – бросил парень на прощание, отводя взгляд. – Сглупил я чего-то. Дал слабину, повелся на уговоры…

Сталкер на миг остановился.

– Неважную ты себе компанию выбрал. Сегодня Индеец – мозг племени, а завтра мозг Индейца протухнет, так же как у остальных. Это путь в никуда, парень. Ты сам это знаешь. В никуда. Бывай…

Огрызки, ворвавшись в подсобку, обнаружили лишь вождя. Беглец ушел подземным путем. Пока дикари эскортировали Индейца обратно в логово, тот не проронил ни слова, лишь как-то странно косился на соплеменников, словно видел их впервые. Незатейливое напутствие Тарана – жесткое, отрезвляющее – накрепко засело в его голове.

Глава 5

Могильник

Кап… Кап… Кап… Мерный звук, доносящийся отовсюду, давил на психику, изводил. Казалось, все пространство вокруг, тонны земли и низкий бетонный свод над головой оплывают киселем, грозя похоронить заживо человеческое существо, осмелившееся вторгнуться на территорию древнего подтопленного коллектора. Требовалось немало выдержки, чтобы сохранить присутствие духа в этом царстве абсолютного «ничто». Ни проблеска света в пустоте чернильного мрака, ни звуков возни подземных обитателей, ни малейшего дуновения

туннельного сквозняка… Только робкий луч налобного фонаря, черная жижа под ногами и длинный, уходящий в никуда тоннель, стены которого, скользкие от сырости и грибка, создавали ощущение ирреального путешествия по утробе гигантской змеи.

Постоянная сырость, кромешная тьма и обилие плесени послужили толчком к появлению здесь поистине уникальной экосистемы. На влажных от потеков стенах Таран заметил бледно-розовые, сочащиеся слизью наросты отталкивающего вида. Уловив краем глаза движение, сталкер остановился и принялся разглядывать необычное образование. Сгусток еле заметно подрагивал, а иногда стремительно сокращался, меняя форму и размер.

Отвратительное зрелище. О подобных штуковинах, заводившихся в канализационных трубах, Таран слышал еще до Катастрофы. Тогда в сети было много шумихи по поводу загадочной формы жизни, на поверку оказавшейся всего-навсего колониями миниатюрных червей, сплетенных в единый клубок. Однако нынешние «клубки» не очень-то походили на своих собратьев из видеоролика, отличаясь как габаритами, так и большей подвижностью. Зараженные радиацией грунтовые воды явно пошли на пользу этой студенистой дряни.

Не углядев какой-либо явной угрозы, наемник побрел дальше, на всякий случай стараясь держаться подальше от подозрительных наростов. Раз здесь прошли огрызки – пройдет и он.

…Сталкерское чутье просигнализировало об опасности.

В висках закололо, по телу прошел озноб.

Так бывало всякий раз перед стычкой с очередным порождением свихнувшейся природы. Наемник привык доверять шестому чувству, которое сейчас утверждало: где-то рядом притаилось нечто живое, чувствующее, возможно даже мыслящее. И чем дальше продвигался Таран, тем более ощутимым становилось присутствие чужака. Туннель впереди плавно забирал вправо. До чуткого слуха сталкера донеслись первые шорохи. За поворотом ворочалось и ухало что-то увесистое, плюхая тушей по заиленному дну коллектора. При других обстоятельствах лучшим выходом было бы поскорее ретироваться, не обнаруживая своего присутствия. Но обходных путей наемник не знал, а схема,

наскоро накарябанная Индейцем, была слишком скудна и условна, чтобы откланяться от маршрута. Похоже, иного выхода, кроме как идти вперед, не оставалось.

Взяв автомат наизготовку, наемник мелкими шажками сокращал дистанцию до неведомого препятствия, пока луч фонаря не скользнул по белесой, в мелких щетинках, шкуре, высветив тупоносое рыло огромного, почти в ширину туннеля, червя. Гигант неторопливо полз навстречу человеку, слепо шаря похожей на фаллос головой по стенам коллектора. В бессмысленных, на первый взгляд, движениях мутанта довольно быстро обнаружилась система. Обследуя бетонные своды дюйм за дюймом, червь с жадностью присасывался к уже известным Тарану студенистым образованиям, выжирая их дочиста.

При таком раскладе пытаться миновать опасную тварь, протискиваясь вдоль стены, было бы верхом безрассудства – не сожрет, так задавит. Тело гиганта тянулось далеко вперед, исчезая во мраке. Расстрелять зверюгу? А если взбесится? Да и где у нее мозг? В голове? А голова ли это вообще? Наемник с сомнением покосился на безглазое рыло. Червя, похоже, присутствие человека никак не трогало. Он все так же флегматично продолжал очищать стены от шевелящихся «гнойников». Санитар подземелий, блин…

Таран осмотрелся. Словно на заказ, чуть в стороне в боковой стене зияла узкая дыра – горловина канализационного слива. Куда вела труба, сталкеру было неведомо, однако стоило, пожалуй, это выяснить – уж больно не хотелось заниматься разделкой многотонного слизняка. Подтянувшись на руках, наемник ужом втиснулся в идеально круглую бетонную кишку. Здесь-то и пригодились хитрые нашивки мудреного комбеза. Другие сталкеры не раз осмеивали костюм Тарана за нелепый дизайн – несколько миниатюрных роликов на плечах, груди и спине. Но на деле, для ползания по узким подземным ходам, они оказались незаменимы. Проскочив за минуты внушительный отрезок трубы там, где в обычной одежде пришлось бы ползти добрых полдня, наемник вылез в коридор с источенной временем кирпичной кладкой. Долго блуждать не пришлось – в полу обнаружилась широкая трещина, через которую виднелась развилка знакомого коллектора. Здесь он значительно расширялся. Видимо, в этом месте тот отросток, по которому пришел сталкер, вливался в основной желоб. Стараясь не приземлиться на старого знакомого – хвост червя уже втягивался в горловину «прыщавого» туннеля, – Таран спрыгнул в коллектор, мысленно сверяясь со схемой Индейца. Неподалеку должен быть выход к метрополитену. По всем прикидкам где-то внизу и чуть в стороне раскинулись жилые сектора «Папы».

Занятый расчетами, сталкер не сразу заметил россыпь гильз на каменном парапете. Лишь когда под ногами звякнуло, наемник пошел медленнее, пристально разглядывая следы учиненной в коллекторе бойни. Помимо гильз обнаружились арбалетные болты – точь-в-точь как у огрызков, в грязи сиротливо валялся обрубок мачете, а присмотревшись, наемник заметил на стенах потемневшие кляксы крови. В воздухе витал специфический запах смерти – с момента стычки прошло совсем немного времени. Однако ни раненых, ни трупов нигде не было. То ли червь все подчистил, то ли победившая сторона прибралась… Кто и с какой целью напал на отряд огрызков, а главное, где теперь искать Глеба – оставалось загадкой. Так и не найдя ответов, Таран разыскал указанный Индейцем колодец, по которому благополучно спустился к путям метрополитена. Не оставалось ничего другого, кроме как наведаться на ближайшую станцию.

* * *

– Родной, не проходи мимо! Ножи, фильтры, махорка… А может, дури какой? Могу устроить! Куда же ты, родной?

Шмыга сник. Торговля не задалась с самого утра. Всего-то несколько транзитных за весь день – и те норовили побыстрей проскочить мимо прилавков «Папы». Сглазил кто станцию, что ли? Похоже, пора перебираться куда-нибудь ближе к центру. Или хотя бы на соседнюю «Электру». Здесь, на отшибе, бизнеса никакого…

Поскучав возле разложенных у края платформы товаров, барыга направился к костру, побаловаться чайком. Внимание его привлек шум со стороны центральной части станции. Там, скрытые полумраком, оживленно переговаривались сразу несколько человек. Голоса двоих Шмыга узнал сразу – свои, местные. А вот третий… Приглядевшись, торговец разглядел сталкерский комбинезон.

Собеседники двигались в направлении костра. Вскоре различима стала сбивчивая речь Умарова – местного завхоза:

– Станция у нас, сам знаешь, торговая, вольная. Кому скрывать нечего – милости просим по правым путям, вдоль торгового ряда. А ежели кто не хочет глаз мозолить, по другой стороне идет. Тихо, спокойно – двери-то все вдоль левых

путей закрыты. Так что шел отряд какой, али нет – нам того неведомо…

– Слыхал про взрыв? – толкнул Шмыгу сосед, подливая кипятку из пузатого чайника с закоптившимися боками. – Теперь по всей подземке шмон наведут. Таран, думаешь, поздоровкаться зашел? Тоже вынюхивает, террористов ищет.

Гревшиеся у костра поселенцы заулыбались, переглядываясь. Послышались редкие смешки. Вся эта суета с расследованием, что ни говори, выглядела абсурдно. Двадцать с лишним лет в норах подземки – какие уж тут ядерные бомбы?

Тем временем пришлый сталкер остановился возле одного из «прилавков». Подцепив с пола невзрачную побрякушку, вопросительно уставился на торговцев:

– Чей товар?

Шмыга с готовностью подскочил к Тарану с дежурной улыбкой на лице. Первый клиент за день, как-никак. Можно и расстараться для разнообразия. Однако сталкер не разделял его энтузиазма. Внушительных размеров кулак, из которого свешивалось ожерелье огрызков, замер перед носом барыги.

– Где взял?

– Сам смастерил, – выпалил Шмыга на автомате.

– А если подумать? – Таран навис над продавцом, нахмурив брови.

Мозги скрипели, судорожно просчитывая варианты. Сказать правду или скрыть? Запалить проверенного поставщика или прогневить матерого сталкера?

Шмыга выбрал меньшее из двух зол:

– Мортус знакомый притащил. Барахольщиком кличут. Он с трупов цацки разные снимает, а я перепродаю. А что? Покойным все равно уже без надобности…

Взгляд сталкера выражал явное презрение, однако эмоции он держал при себе. Откинув ожерелье, поманил барыгу за собой, подальше от любопытных ушей. Шмыга просеменил за наемником, ежась под суровым взглядом.

– А теперь давай сначала. Кто, когда, куда… Во всех подробностях.

– А я и говорю, – засуетился продавец, – мортусы давеча мешки с трупами везли. Много трупов… Откуда набрали столько, не знаю. Может, каторжные на Звездной бунтовали, или еще чего…

– Как Барахольщика найти? – перебил Таран нетерпеливо.

– А где ж ему еще быть, как не в Могильнике?

Сталкер спрыгнул на пути и зашагал прочь. Шмыга нервно сглотнул, глядя вслед удалявшейся фигуре. Пронесло, похоже. На кой черт наемнику понадобились эти дикари? Хотя, какая разница? Ушел – и то хорошо. С тоской покосившись на нехитрый товар, барыга тяжко вздохнул. Все-таки надо перебираться в центр. И навар больше, и житье спокойнее.

* * *

Вариантов было не так уж много: либо двигать к станциям мортусов по туннелям, либо выиграть время, попытавшись проскочить снаружи. Таран выбрал второе – всего-то пять с небольшим кварталов отделяло павильон «Папы» от Международной, хоть и находились они на разных ветках. Двигаясь перебежками вдоль стен домов, он прокручивал в мыслях события последних суток. Ситуация все больше выходила из-под контроля. Из головы никак не шла фраза, произнесенная неказистым торговцем: «мешки с трупами… много трупов». Сколько ни гони прочь дурные думы, а факты говорят сами за себя: с Глебом стряслось неладное, и единственная ниточка, что вела к нему, находилась сейчас где-то там, во владениях молчаливых могильщиков. Сталкер надеялся, что Барахольщик сможет хоть как-то прояснить ситуацию, а потому продирался сквозь трущобы покинутого города со всей возможной скоростью. Пер нагло, рисково, напрямик, пренебрегая осторожностью и надеясь на опыт да на безупречное чутье.

Пока ему везло, и на пути вдоль Бассейной улицы не встретилось ни единой живой души. Хотя о каких душах может идти речь, когда в округе одно зверье? Как бы там ни было, а временным затишьем следовало пользоваться на полную катушку, поэтому Таран поднажал еще, стремительно перескакивая поваленные столбы и трещины в асфальте.

Но долго так продолжаться не могло. Ближе к Витебскому проспекту встреча все-таки состоялась. Ожидая появления когтистых или крылатых образчиков местной фауны, наемник опешил, увидев впереди человеческий силуэт. Издали незнакомец напоминал мортуса – чего стоил один только балахон до пят и глухой капюшон, полностью скрывавший лицо. Однако при ближайшем рассмотрении одеяние оказалось замызганной хламидой грубого покроя, не идущей ни в какое сравнение с плащами «санитаров метро».

На сталкера одинокая фигура никак не тянула – ни тебе ствола, ни броника какого… Может, уцелевший отшельник, выбравшийся из своего схрона в поисках пропитания? Таран приветственно помахал рукой. Поколебавшись, обладатель балахона неуверенно помахал в ответ. Движение получилось неуклюжим – мешали длинные бесформенные рукава, свисавшие по бокам подобно крыльям.

– Ты откуда такой взялся? – бросил наемник, скептически оглядывая собеседника.

Тот молчал. Что-то в позе незнакомца насторожило сталкера. Само его появление выглядело странным. На протяжении нескольких минут, пока Таран приближался к человеку, тот не сделал ни единой попытки скрыться, и даже не шелохнулся. Так и стоял истуканом посреди улицы, словно в землю врос.

Подтянув автомат поближе, сталкер поймал себя на мысли, что вся эта ситуация ему почему-то знакома, вот только откуда… Ну, точно! Покойный Ксива во время рейда в Кронштадт травил байку о похожем типе. Правда, в его рассказе мужик в балахоне прыгал как кузнечик. А этот…

Сталкер не успел додумать, поскольку в следующее мгновение незнакомец серой молнией взмыл в воздух, мелькнул перед глазами размытым пятном и разом оказался высоко на дереве.

– Вот нежить… – Наемник вздрогнул от неожиданности и медленно попятился, не выпуская безумного прыгуна из перекрестья прицела.

Незнакомец приник к стволу могучего исполина и снова застыл. Под капюшоном сверкнули два ярко-зеленых люминесцирующих глаза. С каждым шагом расстояние между сталкером и мутантом увеличивалось. Еще немного – и ненужного контакта удастся избежать…

Стоило об этом подумать, как существо сорвалось с дерева и, выписывая дикие зигзаги, запрыгало в направлении человека.

Мерно застучал автомат. Огрызаясь короткими экономными очередями, Таран устремился к руинам ближайшего здания, но тварь оказалась слишком шустрой. Непостижимым образом ей удавалось уходить из-под пуль безумными тягучими скачками, отталкиваясь от фонарных столбов, покореженных фур и скрюченных стволов деревьев.

Сталкер бил не переставая. Когда между противниками оставались считаные метры, существо взвыло, дернувшись, – последняя очередь все же достигла цели. Затем серая тень накрыла Тарана, заслонив небо. Тварь в балахоне врезалась в жертву, с размаху напоровшись на пристегнутый к дулу автомата штык-нож. Опрокинувшись на спину, сталкер почувствовал, как приклад «калаша» уперся в асфальт. Используя ствол как рогатину, он перекинул мутанта через голову, однако подняться с земли не успел. Из-под тряпья показались по-птичьи согнутые ноги со вздувшимися буграми гипертрофированных мышц. Еще мгновение, и они распрямились подобно пружине, врезавшись в Тарана. Мощным пинком сталкера отбросило на добрый десяток метров. От удара спиной о кирпичный обломок стены вышибло из легких воздух. Адреналина хватило лишь на то, чтобы вскочить на ноги, но затем резко накатила тошнота. Что-то теплое сочилось по затылку. Прикоснувшись к голове, Таран посмотрел на окровавленную ладонь. Скверно… Очень скверно.

Потом земля вдруг зашаталась и резко подалась навстречу. Зрение, слух, осязание – все отключилось разом, словно штепсель выдернули из розетки. Сталкер провалился в небытие.

* * *

Надо же… Кинотеатр. Мягкие уютные кресла, огромный экран… Сейчас уже и не припомнишь, каково это – смотреть кино. Тем более, в новомодном «3D». Странно, что сознание подкинуло именно этот образ. В том, что это видение либо сон, Таран не сомневался. Иначе как объяснить заполненный зрителями зал?

Головная боль обрушилась на него внезапно. Жесткая. Отрезвляющая. От нового ощущения прояснилось сознание, картинка стала резче, отчетливей. Стали различимы детали. Экран оказался сплошь в дырах, кресла загажены пометом летучих мышей, а в потолке зияла внушительных размеров дыра, через которую в зал пушистыми хлопьями влетал снег. Да и зрители не очень-то сохранились – иссохшие мумии да полуразложившиеся трупы в изорванных сталкерских комбезах.

Похоже, это все-таки не сон, а самая что ни на есть обыденная реальность. Просто некий шутник, потакая собственной безумной прихоти, натаскал сюда мертвецов. И даже гадать не стоило – сделал это тот самый попрыгун, будь он неладен.

Повернув затекшую шею, сталкер проверил руки-ноги. Все вроде цело, за исключением ушибленной головы. Вот и славно. Пора выбираться, пока чокнутый недочеловек не решил полакомиться нерадивым гостем. Автомат, по всей видимости, остался снаружи, зато пистолет оказался на месте. И то ладно. Собравшись встать с кресла, Таран обмер, почувствовав за спиной шевеление. В поле зрения показалась затянутая бугристой шелушащейся кожей лапа-рука. Существо в балахоне протягивало человеку измятую рекламу мультиплекса: зал, заполненный зрителями до отказа, а на экране – утопающий в зелени город и тысячи жителей, заполонивших улицы мегаполиса.

То ли мутант пытался воссоздать изображенную картинку, чтобы попасть в чудо-город, то ли просто хотел обзавестись друзьями… В любом случае, его методы сталкера не устраивали. Стоило Тарану медленно подняться с кресла, как существо зашипело. Памятуя о грозном оружии выродка, сталкер молниеносным движением заломил тому конечность, навалившись сверху. Мутант пронзительно заверещал, задергался, поджав ноги, но прыгнуть не успел. Выхватив «Грач» из кобуры, Таран уткнул дуло в противника и вдавил спусковой крючок – раз, другой… Захлопали выстрелы. Существо, запутавшись в балахоне, отчаянно забилось, своротив мощными ногами пару кресел. Но очередной выстрел задел, по всей видимости, какой-то жизненно важный орган, и тварь

обмякла. Жуткий клекот затих, сменившись глухим бульканьем.

Рассматривать урода Таран не стал – полученных впечатлений и так хватило сполна. В голове не укладывалось, что подобная нежить могла получиться из человека. Особенно – учитывая неестественно выгнутые конечности. С другой стороны, на какого-либо зверя или птицу мутант тоже не особо походил. Одно слово – выродок.

Не оглядываясь, сталкер покинул кинозал. Проскочив заваленный мусором и пылью холл, вышел на пустынную парковку возле мультиплекса. В памяти тотчас всплыли воспоминания о первой вылазке из больничного бомбоубежища, спустя неделю после Катастрофы. Именно сюда, к «Радуге» и «Киностару», стекались в тот день выжившие со всех окрестностей. Облученные, с ожогами и травмами, потерянные и деморализованные беженцы толпились у наскоро выстроенного ограждения из колючей проволоки, за которым месили воздух лопастями два огромных транспортных вертолета. Какие-то люди в военной форме тут же проводили беглый опрос пострадавших, сверяясь с загадочными списками и отсеивая простых смертных. Счастливчиков, попавших за кордон, споро погрузили в транспорты, а остальных… просто бросили на произвол судьбы. Спасательная миссия, как оказалась, действовала только в отношении избранных – высших чинов и их семей.

Осознав это, отчаявшиеся и доведенные до предела люди пытались прорваться к вертолетам, но солдаты ударили по толпе очередями. Вопли ужаса и стенания раненых, беспорядочная стрельба и воцарившийся хаос накрепко впечатались в память Тарана. Он еще долго гадал, откуда взялись те вояки и куда увезли уцелевших ВИПов. Больше вертолеты не прилетали…

Верный «калаш» обнаружился там же, где Таран его потерял. Подобрав ствол, наемник потрусил прочь. Остался позади забитый ржавыми остовами автомобилей Витебский проспект, изрытая норами насыпь путепровода, некогда благоустроенный Яблоневый сад на Белградской – ныне распаханный до неузнаваемости пустырь.

Столб черного дыма, сочащегося из-под земли, был хорошо различим на фоне припорошенных снегом городских руин. Он служил отличным ориентиром, показывая кратчайший путь к цели перехода.

Проскочив мимо трех неплохо сохранившихся высоток, наемник достиг, наконец, пересечения улиц Белы Куна и Бухарестской. Вход на станцию Международная, погребенный под рухнувшим каркасом недостроенного торгового комплекса, долгие годы оставался недоступен, что только играло на руку замкнутым мортусам, предпочитавшим не высовываться на поверхность. Не останавливаясь, Таран прошел мимо развалин, даже не пытаясь отыскать в них лазейку к наклонному эскалаторному ходу. Вместо этого выудил из рюкзака баллон с дыхательной смесью и присоединил к маске противогаза. Тонкий трос, разматываясь, полетел вниз, в чернильный мрак вентиляционной шахты, что находилась чуть дальше, в глубине квартала. Защелкнув страховочный карабин, сталкер в последний раз глянул по сторонам и нырнул в клубы чадящего дыма.

Спускаться по бесконечному бетонному колодцу вслепую, то и дело натыкаясь на решетчатые фермы, – то еще развлечение. Стекла противогаза моментально покрылись слоем копоти, сквозь который рассмотреть что-либо не представлялось возможным. Ко всему прочему, плотная ткань комбеза, хоть и медленно, нагревалась от тепла, шедшего снизу, от кремационных печей мортусов. К моменту, когда сталкер ощутил, наконец, под ногами твердь, достигнув дна колодца, одуряющий жар почти доконал его. Липкий пот заливал глаза, а сердце выпрыгивало из груди. С ног до головы покрытый угольно-черной сажей, Таран выскочил из сбойки в туннель, где принялся тереть стекла противогаза и судорожно озираться, пытаясь определить направление тяги. В одном из концов туннеля, за изгибом, удалось различить отблески бушующего пламени. Оттуда же доносился мерный, не прекращавшийся ни на секунду гул.

Сталкер, пошатываясь, побежал в противоположном направлении, прочь от адовой печи. Еще немного – и туннель оборвался, открыв взору просторное помещение склада, заставленного ровными рядами бесформенных продолговатых мешков.

Международная. Станция-могильник. Зловещий, погруженный в безмолвие, поражающий своими масштабами морг. Аппендикс гигантского организма под названием «метрополитен».

Голый бетонный свод над головой, подсвеченный торчавшими из стен факелами, и обилие трупов создавали ощущение нереальности происходящего. Мрачную обстановку похожей на склеп станции сложно было сравнить с чем-то еще. Смерть незримо присутствовала здесь повсюду. Казалось, ею пропитался сам воздух и стены.

Сошествие в «царствие усопших» не осталось незамеченным. Сразу несколько мортусов, прекратив сгружать трупы с тележки, безмолвно смотрели на гостя. Из-за белых масок на лицах невозможно было понять реакцию этих людей. Словно манекены, застыли они на месте, ожидая, видимо, каких-то действий со стороны визитера. Спохватившись, Таран стянул противогаз. В нос ударил терпкий специфический запах – гари и разложения. С непривычки в носоглотке защипало, глаза заслезились.

Один из мортусов, признав наемника, подошел ближе.

– Ты пришел через дымоход? Весьма безрассудный поступок. Мы ждали тебя со стороны Волковской. Для инспекции наших станций все готово.

Тихий бесцветный голос без намека на интонации. Надо же… Мортусы умеют говорить. Кто бы мог подумать? Таран кивнул собеседнику, отзывая его в сторону:

– Это ведь ты представлял мортусов на Совете?

Тот кивнул.

– Послушай, мы оба прекрасно понимаем, что к бомбе вы никакого отношения не имеете. Шариться по этому склепу я не буду. Мне всего-то нужно поговорить с Барахольщиком. Потом я уйду. Как тебе такой вариант?

Мортус застыл, на несколько мгновений превратившись в изваяние, подобное группе ожидавших невдалеке собратьев. Затем коротко кивнул, поманив сталкера за собой. Вместе они пересекли добрую половину недостроенной станции. И всюду, куда ни глянь, человеческие останки. Где в брезентовых мешках, а где и без… Таран с недоумением проследил за тем, как с трупов стаскивают изгвазданные в крови чехлы, складывая их в пузатую бочку.

– Экономия ресурсов, – пояснил еще один мортус, появившись из темноты за спиной сталкера. – Брезента на всех жмуров не хватает, так что мы его не сжигаем. Отмачиваем, чистим и используем снова, для транспортировки через жилые станции.

Судя по всему, это и был тот самый Барахольщик. Такой же, как у остальных, черный плащ до пят, капюшон на голове. Из-под белой маски респиратора выбивается рыжая борода, из-за чего мортус выглядит несколько комично. Хотя, если б не эта деталь, отличить мародера от его безликих собратьев оказалось бы непросто.

Мортус, сопровождавший Тарана, еле заметно кивнул и, не проронив больше ни слова, удалился. Барахольщик стянул маску, выжидающе уставившись на сталкера.

– Мне известно о твоих делах со Шмыгой, – Наемник сразу взял быка за рога.

Однако мародер и ухом не повел.

– И какое тебе дело до моих дел?

– Да никакого. Нужна информация. Тела огрызков из коллектора, недалеко от «Папы»…

– Ах это! Так бы сразу и сказал, – Барахольщик выдохнул: угрюмый сталкер явился не по его душу… – Перебили их, как щенков. Бандюки пришлые. Обложили с обеих сторон, и вся недолга. То ли случайно наткнулись, то ли в засаде сидели…

– Среди погибших… не видел ли ты ребенка? Мальчика двенадцати лет? – содрогнувшись от собственных слов, спросил Таран.

Мортус нахмурился, припоминая. Сталкер сжал кулаки в ожидании приговора. Казалось, целая вечность прошла, прежде чем рыжебородый ответил:

– Да кто его знает… Темно там было. Черт ногу сломит. Ты б лучше сам посмотрел. Всех жмуров оттуда уже сюда перетаскали. Видишь разгрузочный перрон? Там и ищи.

Наемник снялся с места, проскочив по узким проходам между штабелями трупов, и выбежал к стоящим на путях вагонеткам. Несколько мортусов споро выгружали мешки с останками на платформу. На ходу вытащив нож, Таран упал

на колени возле наваленных в кучу мешков и взрезал первый попавшийся. Внутри вполне ожидаемо оказался труп огрызка. Еще мешок – снова дикарь. Брезент податливо расходился под острым лезвием. Руки сталкера довольно быстро почернели от запекшейся крови, а тошнотворный въедливый запах насквозь пропитал одежду. Однако Таран продолжал вскрывать чехлы один за другим.

Мортусы хотели было вмешаться, но Барахольщик подал знак, и обезумевшего сталкера оставили в покое. Среди останков обнаружилась пара мужских тел в метростроевских робах – видимо, из тех бандитов, что напали на огрызков. Мельком глянув на трупы, Таран продолжил поиски. Хрипя от натуги, он ворочал окаменевшие тела. Вскоре липкая кровь уже покрывала сталкера с ног до головы.

Отпихнув в сторону тело очередного дикаря, он вдруг заметил то, что так боялся увидеть, чего страшился и не хотел принимать: мешок, слишком маленький по габаритам, чтобы вместить взрослого человека. Замерев с ножом наизготовку, наемник все не решался поставить точку в затянувшихся поисках, хотя предчувствие неизбежной, неотвратимой беды уже захлестнуло сознание. Откуда взялась эта мрачная уверенность, Таран понять не мог. Лишь ощутил давно забытое, единожды испытанное чувство невосполнимой утраты. Совсем как тогда, в день Катастрофы, когда ломился сквозь обезумевшую от ужаса толпу к распростертому на асфальте телу любимой девушки. Умом понимая, что выжить в той мясорубке невозможно, но сердцем надеясь на чудо.

Чуда в тот раз, увы, не произошло. Нет ему больше места в этом исковерканном мире. А значит, не будет и сейчас. Слишком многое пришлось повидать сталкеру, чтобы тешиться пустыми надеждами. Лезвие ножа с тихим шелестом вскрыло слой брезента – последнюю преграду, что отделяла Тарана от приемного сына…

Сталкер отшатнулся, закрыв глаза, но увиденное отчетливо стояло перед мысленным взором. Лица Глеба он не узнал. Его попросту не осталось – крысы наведались к месту бойни раньше мортусов. Само тело тоже было изуродовано, а в некоторых местах даже обожжено. Определить в кровавых лохмотьях одежду сына не было никакой возможности.

Пересилив себя, Таран принялся изучать останки. Ведь пока нет прямых улик, чтобы опознать тело, надежа все еще остается…

Рука сталкера нащупала сквозь изорванную одежду нечто твердое. Поддев пальцами пропитавшийся кровью край рубахи, сталкер извлек на свет божий продолговатый металлический предмет. Собравшись с духом, разомкнул пальцы. На ладони лежала до боли знакомая зажигалка с двуглавым орлом на боку. Глебова зажигалка.

Склонившись над телом сына, сталкер в бессилии уронил руки на колени.

Старший мортус бесстрастно наблюдал за ним сквозь прорези в своей белой маске.

На окаменевшем разом лице сталкера проступила маска безысходности. Возле глаз прорезались невидимые ранее, глубокие морщины. По щеке, проторив светлую дорожку на покрытой сажей коже, катились редкие, мерцающие в свете факелов слезы.

Глава 6

Безбожники

– Мне очень жаль, сталкер. – На плечо легла рука Барахольщика. – Это, должно быть…

– Мой сын, – не своим голосом произнес наемник. – Позаботься о теле, мортус. Я вернусь за прахом.

Тот коротко кивнул и бесшумно отошел назад, в тень.

Таран еще долго оставался недвижим, баюкая в ладонях окоченевшую детскую кисть, словно пытался отогреть ее, вдохнуть в неподвижное тельце хоть каплю жизни. Перед глазами яркими вспышками проносились фрагменты из прошлого. Глеб на платформе Московской. Чумазый, в дырявых обносках. Тогда они встретились впервые… Глеб, уплетающий кашу из большой железной миски. Довольный, раскрасневшийся… Глеб с ножом в руках, бьющийся с молодым

волком. Злой, решительный… Глеб с пистолетом, заслонивший собой корчившегося в приступе наставника… Глеб в воде, испуганный, с посиневшими от холода губами… Глеб у полосы прибоя. Счастливый, смеющийся… Глеб… Глеб… Глеб…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Господи Иисусе! (швед.)

2

Система противоракетной обороны.

3

Станция метро Приморская.

4

Станция метро Кировский завод.

5

Строки из песни «Зурбаган» к кинофильму «Выше радуги» (1986). Автор стихов – Л. Дербенев.

6

Станция метро Площадь Александра Невского.

7

Станция метро Технологический институт.

8

Обитатели станции метро Балтийская.

9

Станция метро Петроградская.

10

События книги «Метро-2033: Питер» Шимуна Врочека.

11

Станция метро Озерки.

12

Вентиляционная шахта.

13

Служебная соединительная ветвь.

14

Станция метро Электросила.

15

Станция метро Парк Победы.

16

Станция метро Невский проспект.

17

Станция метро Гостиный Двор.

Купить: https://tellnovel.com/ru/d-yakov_andrey/vo-mrak

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить